Троцкий

БОРЬБА за КАЧЕСТВО

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН171
Б734

Л. ТРОЦКИЙ

БОРЬБА ЗА КАЧЕСТВО

ЕН171
Б 734

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“
МОСКВА ГОСПЛАН СССР 1926

Л. ТРОЦКИЙ

БОРЬБА ЗА КАЧЕСТВО

ЕН 171
Б 734

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“
МОСКВА ГОСПЛАН СССР 1926

17 ХЛ

Первая Гостипография
Донполиграфбума
в Ростове на Дону.
Донокрлит 4545.
Ростов на Дону.
Зак. 1777. Тир. 10.000.

ЕН171
Б 734

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

(375)
2876/36 с 1.
11931

1062610

БОРЬБА ЗА КАЧЕСТВО

КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

(Вступительный доклад на заседании 6-го июля 1925 г. Особого Совещания по качеству продукции при Президиуме ВСНХ)

В борьбе против социализма буржуазные теоретики и практики выдвигали обычно, и сейчас выдвигают, такие соображения: социализм убьет личную заинтересованность в результатах работы, этот двигатель технического и всякого иного прогресса; монополизировав хозяйство в руках государства, социализм создаст гигантский бюрократический аппарат, который задушит хозяйство; наконец, отсутствие личной заинтересованности и господство бюрократических методов управления поведут к хозяйственному регрессу (упадку)—к повышению себестоимости продукции и к понижению ее качества. Было бы, конечно, неправильно говорить, что эти доводы надуманы с начала до конца, что под ними нет никакой почвы. Нет, это не так. Буржуазные теоретики и практики в этих своих возражениях против социализма нащупали совершенно реальные трудности, с которыми сталкивается на своем пути социалистическая система хозяйства. И вопрос о личной заинтересованности (вопрос о целесообразности сочетания личного интереса с коллективным), и вопрос о преодолении бюрократических тенденций управления хозяйством, и вопрос о новых методах обеспечения надлежащего качества продукции при снижающихся издержках производства—все эти вопросы стоят перед нами теперь ребром. Сказать, что мы эти задачи разрешили, значило бы утверждать, что мы уже построили развернутое и планово работающее социалистическое хозяйство. До этого еще очень далеко. Но все же наш еще не столь долгий хозяйственный опыт с неопровержимой силой убеждает нас в том, что те трудности социалистического строительства, которые буржуазные экономисты изображают, как непреодолимые, на

самом деле вполне преодолимы. Мы сами имеем уже на этом пути ряд успехов. Если взвешивать эти успехи на весах мировой экономики, то они окажутся очень малы. Но если оценивать их симптоматически, как характеризующие тенденцию развития, то значение их неизмеримо. Разумеется, нет и не может быть такого социалистического рецепта, который дал бы возможность сразу ликвидировать бюрократическое безразличие в деле хозяйственного управления, несогласованность элементов хозяйства и дал бы дешевый продукт высокого качества. Надо брать развивающееся социалистическое хозяйство в его взаимодействии и борьбе с капиталистическим хозяйством, как живой органический процесс, и в нем самом открывать прогрессивные тенденции, помогать им, сочетать их, ускоряя таким образом неизбежную победу социализма над капитализмом.

Одной из узловых задач на этом пути является повышение качества продукции. Перед Особым Совещанием по качеству продукции стоит, таким образом, одна из важнейших задач социалистического строительства.

Я думаю, что значение работ нашего Совещания будет возрастать и что, по задаче своей, оно имеет право на внимание всех хозорганов, печати и общественного мнения. Промышленность наша поднялась ровно настолько, чтобы все основные вопросы будущей судьбы ее встали перед нами конкретно во весь рост. Когда все хозяйство было почти парализовано, нельзя было серьезно говорить о качестве продуктов; сейчас же вопрос качества наших товаров является вопросом жизни и смерти для промышленности,—и прежде всего для такой, какой мы ее хотим развить,—для государственной, социалистической промышленности.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ ЗА КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ

Считается, что при капитализме повышение качества продукции обусловливается конкуренцией. Это верно, но только до известной степени. По мере концентрации производства, трестирования, синдицирования, конкуренция основных отраслей производства уступает место монополии. Но это вовсе не означает необходимости понижения качества продукции. Развитие тех-

ники и производственной организации создало новые методы повышения качества. Таковы: научно-техническая лабораторная работа, установление производственно-технических норм для определенных товаров, стандартизация, правильно поставленный контроль, выдача компетентными научно-техническими учреждениями сертификатов, т. е. товарных паспортов и пр. и пр. Таким образом, конкуренция вовсе не является единственно возможным методом повышения качества продукции даже и при капитализме. Тем более у нас—при сосредоточении важнейших отраслей и предприятий промышленности в руках государства и при возможности комбинированного воздействия на промышленность и качество ее продукции. Эту мысль надо теперь особенно выдвинуть, ибо у многих наших хозяйственников наблюдается нередко некритическое увлечение конкуренцией, как фактором технического и экономического прогресса. Особенно наглядное и в то же время явно отрицательное применение методы конкуренции нашли в нашей электротехнической промышленности: так, одна фабрика электрических лампочек конкурировала у нас с другой, обе охраняли друг от друга свои технические секреты, а между тем обе далеко отставали от иностранной техники. Совершенно очевидно, что прогресс в этой области должен быть достигнут покупкой заграничной технической помощи, правильной постановкой лабораторно-контрольной работы у нас, а никак не путем рыночной конкуренции двух государственных фабрик, переживающих врозь свои детские болезни и „конкурирующих“ друг с другом на государственный счет, тогда как для соревнования у них есть куда более серьезная единица сравнения: лампочка мирового рынка. Сейчас, со слиянием обоих сильноточных трестов в один, эти ненормальные условия отпадут, а несомненные крупные достижения Москвы и Ленинграда получат дальнейшее развитие с общим равнением на европейскую лампочку. Выиграют от этого и ленинградские и московские заводы, а главное—потребитель.

Я этим не хочу сказать, что конкуренция между однородными по производству государственными органами совершенно недопустима. Есть отрасли промышленности, где мы еще вынуждены применять методы отсталого капитализма. Но

задерживаться на этих методах дольше действительной необходимости нельзя, ибо национализация промышленности экономически оправдывается постольку, поскольку расточительные методы конкуренции с успехом заменяются методами планомерного комбинированного воздействия, обеспечивающего повышение качества продукции при той же или понижающейся себестоимости. Эти государственные, плановые, социалистические методы улучшения качества продукции нельзя ни выдумывать по произволу, ни строить по шаблону—их надо открывать внутри технических и экономических условий самой промышленности, извлекать их из условий ее собственного развития. Вернемся к уже затронутому примеру: если бы нашей монопольной промышленности электрических лампочек грозил застой, то государство всегда будет иметь возможность „подстегнуть" эту промышленность при помощи импорта соответственного количества иностранных лампочек. И эта конкуренция будет куда более действительной и прогрессивной, чем конкуренция Ленинграда и Москвы.

Борьбу за снижение себестоимости и цены никак нельзя проводить без одновременной борьбы за повышение качества товара, как и наоборот: борьба за качество не должна вздувать издержек производства. Это две стороны одной и той же задачи. Из опыта последних лет мы в этом слишком ясно убедились. Мы видали, как в интересах „снижения цен" кладут в коробочку сорок спичек вместо семидесяти, подмешивают 50% суррогатов к шерсти или „облегчают" ткань в ущерб ее необходимейшим качествам. Такие примеры бывали, бывают и сейчас. Ясно, что в этих случаях никак нельзя говорить о снижении цен. Наоборот, часто под такими хитрыми манипуляциями скрывается фактическое повышение цен. Страдающей стороной оказывается потребитель. Между тем государству нужно не снижение цен само по себе, а снижение в интересах потребителя.

ПОТРЕБИТЕЛЬ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

У нас часто приходится слышать выражения: „это потребительская точка зрения", а иногда: „обывательская точка зрения". Потребитель (он же обыватель) является как бы существом отверженным. Что касается „чистых" производ-

ственников, то сами они, повидимому, ничего не потребляют. Пора, однако, от этой лжепроизводственной точки зрения отказаться на-чисто. При капитализме целью производства является прибыль. Потребитель с его потребностями, желаниями и вкусами является неизбежным злом, к которому приходится приспособляться. При социализме же прямой целью производства является удовлетворение человеческих потребностей. Потребитель вовсе не является порочным существом, мешающим производству. Потребительская точка зрения, в широком общественном смысле, отнюдь не предосудительна; наоборот, она обязательна для руководства промышленностью и контроля над ее изделиями. Надо подходить к продукции под углом зрения ее потребительных качеств, надо их научно изучать, вырабатывать технические нормы для определенных продуктов, не позволяя промышленности ниже этих норм спускаться, поднимать эти нормы в соответствии с ростом техники, улучшением сырья и пр., исчислять издержки производства не на какую-то безличную единицу продукта (ибо сия единица в обиходе потребителя оказывается нередко заведомой дрянью), а на стандартизованную единицу, отвечающую определенным производственным нормам, т. е. обладающую определенными потребительными качествами.

Надо же прямо сказать: потребитель у нас обретается не в авантаже. Надо поднять потребителя. Надо помочь ему нажать на производственника. Надо комбинированными средствами подогнать продукцию к потребностям и вкусам потребителя.

Между промышленностью и потребителем стоят различные распределительные органы: кооперация, государственная торговля, частная торговля. Ясно, что кооперация в первую очередь должна быть организацией потребителя, которая развивает надлежащее давление на промышленность под потребительским углом зрения. В какой мере это имеет место сейчас? В минимальной, чтобы не сказать: в минимальнейшей. Я обратился недавно с краткой запиской к двум мощным кооперативным организациям, одной местной, а другой центральной, с просьбой сообщить, что ими делалось до сих пор по части борьбы за повышение качества продукции. Я получил ответы,

очень знаменательные для характеристики положения потребителя. Местная организация ответила в том смысле, что она ничего в этом направлении не предпринимала, да и как предпринимать? „В условиях товарного голода кооперация принуждена была соглашаться с любыми ассортиментами любого качества, которые предлагались трестами“. В конце концов это чисто капиталистическая точка зрения. Нажать на тресты мы, кооператоры, сможем только в условиях перепроизводства, т.-е. товаро-промышленного кризиса. Что товарный голод позволяет иным трестам окапываться на больших высотах, это бесспорно. Но эти высоты вовсе не неприступны. Тресты принадлежат государству, и это же государство, через кооперацию и иными путями, организует потребителя и оказывает давление на тресты в интересах потребителя—даже и при товарном голоде. Центральная кооперативная организация ответила, что не ведет какой-либо регистрации всех сообщений о негодности для потребителя того или иного сорта товаров по качеству, „однако, в своей практической работе принимает во внимание все личные замечания, сообщения представителей“ и т. д. Явно, что дело находится пока-что в плачевном положении, раз кооперация не ведет систематической и настойчивой борьбы за качество продукции, а ограничивается тем, что учитывает „личные замечания“. Для частной лавочки этого достаточно, а для всесоюзной распределительной организации немного маловато.

От торгового и кооперативного аппарата естественный шаг к товароведу. Это очень важный винтик в общей экономической системе. Без внимательного к своему делу товароведа наш потребитель всегда останется угнетенным сословием. Между тем с товароведом у нас дело неблагополучно. Отовсюду несутся жалобы и вопли, что товаровед невнимателен к потребителю, не считается с ним, не идет к нему навстречу, не показывает ему товаров, не выслушивает его жалоб и редко даже поворачивается к потребителю лицом, а в лучшем случае становится к нему, так сказать, под углом в 90 градусов. Это не годится. Разумеется, такого унизительного положения, в каком находился приказчик капиталистической торговли, рабочее государство не допустит. Но оно не допустит и

бездушных торговых „комиссаров“, которые командуют потребителем-покупателем, не глядя на него. Бери, мол, что дают, и отчаливай. Покупатель должен знать, что он покупает, и товаровед обязан объяснить ему это. Если в коробке пятьдесят спичек вместо шестидесяти, то товаровед об этом должен предупредить покупателя. Точно также—если к шерсти подмешан суррогат. Товаровед должен знать, каков процент суррогата и как это отражается на качестве сукна. Товаровед должен быть советником потребителя, приемщиком от него требований и жалоб. Может быть, следовало бы также завести „ящики жалоб“ с блок-нотом при них во всех помещениях госторговли и кооперации. Нам нужен социалистический товаровед. Его необходимо воспитать под руководством профессиональных организаций, кооперации, печати и путем всей вообще постановки взаимоотношений между производством и потребителем. Утвердить в правах потребителя и воспитать социалистического товароведа—эти две задачи теснейшим образом связаны между собою.

Наше Особое Совещание по качеству продукции только в том случае оправдает свое существование, если оно подойдет ко всем этим вопросам под строго практическим, потребительским углом зрения и притом в порядке неотложности. Иначе ему незачем существовать. Ведь в последнем то счете качество продукции определяется всеми факторами и элементами производства. Стало быть, улучшение качества наших товаров может быть достигнуто повышением техники, улучшением производственной организации, повышением квалификации рабочей силы. Но ведь это и есть вся сумма той работы, которую выполняет ВСНХ в целом, со всеми подчиненными ему административными и хозяйственными органами. Наша задача гораздо уже. Мы должны с самого начала взять строго практический курс, подходя к определенным узловым пунктам производства, которые особенно чувствительны для массового потребителя, и производя на эти пункты необходимый нажим комбинированными средствами: где—научно-технической инструкцией, руководством, помощью; где—приказом через административные органы ВСНХ, а кое-где, может быть, и прямой судебной репрессией.

НЕ ОБМАНЫВАТЬ ПОТРЕБИТЕЛЯ!

Я не случайно упомянул о репрессии. Ибо всуе говорить о научно-технической постановке производства, о применении химического, рентгенографического и всякого иного анализа, когда данное промышленное предприятие сознательно прибегает, за спиной государства и потребителя, к суррогатам, к негодному сырью, к подделке и фальсификации. А такие случаи встречаются, и вовсе не так уже редко. Здесь мы имеем наследие самых отсталых капиталистических форм, которые характеризовали производство в период первоначального накопления и которые в измененном и перерожденном виде обнаружились снова в эпоху капиталистического упадка. Государственная промышленность не может допускать ни прямого, ни косвенного обмана потребителя. Социализм может строиться лишь при условии полной прозрачности, а следовательно, и добросовестности всех общественных отношений. Трест точно сообщает кооперации, какого характера товары он сдает ей на продажу. Кооперация проверяет качество товаров и уясняет его потребителю. Потребитель приучается следить за изменениями качества продукции. Двусмысленностям, а тем более фальсификации тут не должно быть места. Борьбой со всякими злоупотреблениями по этой линии мы займемся вплотную.

Приведу пример. Вчера, на совещании по охране электропередач, я обратил внимание на то, что у меня в руках из рук вон плохой красно-синий карандаш. Я взглянул на фирму. На месте фирмы нашел надпись на английском языке: „карандаш высшего качества“. Одно из двух: либо этот негодный карандаш ввезен из-за границы,—тогда тут вина импортирующих органов; либо он произведен у нас с подделкой под заграницу, что еще хуже. Оказалось—последнее. Мне объяснили, что дело было еще в 1923 году и что карандаш попал ко мне в руки случайно. (Это не совсем так: я после того видел еще несколько таких карандашей). Во всяком случае, в 1923 году один из наших трестов не только снабжал рынок из рук вон плохими цветными карандашами, но и ставил на этих каран-

дашах английскую надпись вместо собственной фирмы. Для чего? Для того, чтобы, мягко выражаясь, обмануть покупателя. После того я стал приглядываться к карандашам. Вот здесь у меня в руках простой черный карандаш нашего советского производства. Однако, название треста на нем написано почему-то латинскими буквами. Я запросил правление треста, чем это вызывается. Не предназначен ли карандаш для экспорта в страны латинского алфавита? Ответ получил такой: нет, ни во Францию, ни в Англию карандаш пока не вывозим, но у нас не было до сих пор клише с русским шрифтом. Темна вода, совсем темна... А ведь подозрительный человек может подумать, что трест нарочно пишет свое название латинскими буквами, чтобы покупатель, не всегда знающий латинский алфавит, принял карандаш за иностранный. И ведь, пожалуй, подозрительный человек не ошибется. Но ведь это уже нравы Сухаревки. А разве рабоче-крестьянское государство может позволить, чтобы его хозяйственные органы разговаривали с потребителем на языке Сухаревки? Нет, этого допустить нельзя. Этого государство не допустит. И наша задача—помочь ему такие явления устранить.

Есть много приемов, которые, не будучи сами по себе преступными, являются все же неправильными, недопустимыми или предосудительными. Таков приведенный мною пример с латинским шрифтом. Более серьезный характер имеет применение суррогатов, скажем, в текстильной промышленности. У нас не хватает в суконной промышленности сырья надлежащего качества. Мы вынуждены переходить к более грубым сортам шерсти, а также к подмешиванию суррогатов. Допустимо ли это? Раз другого сырья нет, то значит допустимо. Качества полу-шерстяного сукна должны быть, однако, тщательно изучены и проверены. Сукно это должно иметь свой потребительский паспорт. Покупатель должен знать, что покупает не шерсть, а полу-шерсть такого-то качества. Если же трест, будучи вынужден подмешивать более грубую шерсть и бумажный суррогат, перейдет допустимые пределы под флагом „снижения цен“, а сверх того станет выдавать потребителю свою продукцию за тонко-суконный товар, то это уже есть обман потребителя, и против этого надо бороться.

Мы приступаем сейчас к созданию экспериментального текстильного института, который имеет своей задачей научно-техническую проработку всех процессов текстильного производства, проверку и оценку свойств и качеств всех видов сырья и пр. и пр. В такой отсталой промышленности, как наша текстильная, научно-технический институт, неразрывно связанный с производством, должен получить громадное значение. Но чтобы расчистить дорогу новым методам производства, нужно вымести вон старые приемы тайного подмешивания суррогатов и вообще применение всякого рода „фокусов", нарушающих интересы производства и потребителя. Ибо если тот или другой трест считает возможным обманывать потребителя, то он попытается обойти и контроль научно-технического института.

В Карповском химическом институте, во главе которого стоит столь же известный химик, как и старый революционер, А. Н. Бах, я наблюдал маленькую практическую работу по стандартизации спички. Один из работников института сконструировал простой и остроумный прибор, при помощи которого можно определить все элементы хорошей стандартной спички: сколько нужно ей фосфору на головку, какая нужна сила нажима, чтобы она зажглась, какое расстояние ей нужно для этого пробежать по коробке и пр. и пр. Эти определения можно довести до большой точности. Но само собою разумеется, что такая работа имеет смысл при двух условиях: если институт вырабатывает нормы, приноровленные к реальным условиям промышленности, и если промышленность идет вперед путем технического прогресса, а не путем... уменьшения числа спичек в коробке. Надо, впрочем, отметить, что успехи нашей спичечной промышленности за последний год совершенно неоспоримы.

Если вы покупаете, например, брезент и шьете себе из него так называемый непромокаемый плащ, который после пятиминутного пребывания под дождем превращается в компресс, то как тут быть? Потребитель, который сознает и свой собственный интерес, и интерес общества в целом, разумеется, не смеет промолчать. Он должен заявить свой протест товароведу, а для верности, скажем, еще опустить записку в ящик

для жалоб,—когда мы эти ящики заведем. Записка его попадет (будем надеяться, не через месяц или два, а на третий—четвертый день) в руки заведующего соответственным отделом, скажем, московского потребительского общества. Этот последний адресуется в текстильный институт или в одну из контрольных текстильных лабораторий с требованием выяснить, почему непромокаемый брезент столь постыдно промокает. Лаборатория может притти к выводу, что брезентная фабрика не знает методов химической обработки тканей; в таком случае институт должен установить соответственную процедуру в лабораторном масштабе и затем, убедившись в ее технической действительности и экономической рентабельности, помочь перенести ее на завод. Но лаборатория может притти к тому выводу, что завод применяет, вместо хорошо известной рецептуры, другую, недействительную, фиктивную, но дешевую и, таким образом, ради „снижения цен" продает под видом брезента заведомую дрянь. Ясно, что научно-техническому институту делать тут дальше нечего. Тут должны вступить в свои права какие-то совсем другие органы: не НТО, а скорее ГПУ.

ПРАВИЛЬНАЯ ОЦЕНКА И АРБИТРАЖ

Во многих случаях, пожалуй, даже в большинстве случаев, когда мы имеем перед собою плохую и даже заведомо фальсифицированную продукцию, совсем не так легко бывает решить, где тут причина: в так ли называемых общих условиях, в технической ли неподготовленности, в негодности ли руководства на предприятии, или в злонамеренности. Все эти причины пересекаются в разной пропорции. К этому надо еще прибавить, что каждый трест и каждый завод, в случае нарушения им условий заказа в отношении качества продукции или общих норм, установленных для данного товара, имеет возможность ссылаться на вину других хозяйственных органов, поставляющих ему недостаточно хорошее сырье или оборудование. По всем этим плоскостям предстоит не мало трений. К этому нужно быть готовыми и нужно своевременно искать и создавать организационные формы для компетентного и быстрого разрешения конфликтов, связанных с вопросом о

качестве продукции. В ближайшие годы эти вопросы будут играть крупнейшую роль в нашей хозяйственной жизни. Почему? Ясно, почему: наше хозяйство растет и взаимоотношения отдельных его частей, отдельных его отраслей и предприятий стремятся к уточнению. Еще не так давно о качестве продукции почти не заикались. Рост промышленности сравнивали с так называемым довоенным уровнем в пудах или по ценам каталогов 1913 года, совершенно игнорируя вопрос о качестве. Что касается потребителя, то он радовался, если не получал двух правых или двух левых сапог, каковая удача тоже не всякому выпадала на долю. И сейчас еще в ответах наших кооперативных организаций слышатся отголоски этой эпохи. Совсем иное впереди. Каждый этап экономического подъема будет порождать повышенное внимание к качеству продукции. Пример будет подавать само же государство. Военное ведомство будет требовать строгого выполнения кондиций, по праву не давая никакого снисхождения. Это повышение требовательности органов военно-хозяйственного управления, вполне здоровое и прогрессивное, мы наблюдаем уже сейчас. Растет требовательность также и со стороны Комиссариатов путей сообщения, почты и телеграфа и пр. Хозяйственники жалуются нередко даже на „придирчивость" государственного потребителя. Очень может быть, что в отдельных случаях имеет место бюрократическая придирчивость, но это деталь. В основном же мы имеем глубоко прогрессивный процесс: каждый потребитель требует повышения качества продукции. Это сейчас же отражается на отношениях треста к тресту. Когда Наркомпочтель нажимает на трест слабых токов, то этот последний, в свою очередь, требует от треста сильных токов кабеля хорошего качества. Машиностроительные тресты требуют хорошего железа, текстильные тресты требуют мериносовой шерсти, хорошего хлопка, хороших красителей и пр. и пр. Тут столкновения хозяйственных органов между собою будут неизбежным проявлением борьбы за качество продукции. От таких столкновений нельзя поверхностно отмахиваться, как от склоки, сутяжничества, а надо понять их прогрессивный смысл. Нам нужны компетентные квалификационные комиссии, авторитетные арбитражные

комиссии по всем отраслям производства. Это и есть одна из составных частей того механизма, который должен в слагающемся социалистическом обществе обеспечить постоянное повышение качества продукции.

ЗАВОДСКИЕ „СЕКРЕТЫ“ И НАУЧНАЯ ТЕХНИКА

Разумеется, в разных отраслях производства и в разных частях нашего Союза подход ко всем этим вопросам будет глубоко различный, так как и внутри нашей промышленности имеются разные исторические эпохи: есть производства, целиком утопающие в средневековьи, а есть и такие, которые, по крайней мере, лучшими своими предприятиями, равняются по фронту мировой техники. Есть целые отрасли промышленности, куда научно-техническая мысль у нас почти и не заглядывала. Так обстоит, например, чаще всего дело в стекольно-фарфоровом производстве. Производственный процесс держится на рутине, на воспоминаниях о том, как было раньше, у такого-то фабриканта. Нередко так называемый „секрет“ производства является достоянием отдельного лица, „секретчика“. Заводы ревниво охраняют свой чрезвычайно отсталый „секрет“ друг от друга. Впрочем, у нас это бывает и в передовых по своему типу отраслях промышленности, например, в электротехнической. Отдельные предприятия стремятся перехватить друг у друга „секрет“, для чего иногда прибегают к методам, в корне противоречащим природе государственно-организованной промышленности. Один из наших хозяйственников на мой вопрос, как это в его тресте укрываются от другого однородного треста технические достижения, ответил мне: „Но ведь эти достижения дались мне недаром; они у меня проходят и по пассиву и по активу; а если я их передам даром другому тресту, они у него пройдут только по активу, и тогда вы же скажете, что его трест работает лучше, чем мой“. В этом ответе есть своя логика, и от него нельзя просто отмахнуться. Но, с другой стороны, государство не может, разумеется, терпеть таких форм конкуренции, которые в балансе народного хозяйства в целом проходят только по пассиву. С „секретами“ и с „секретчиками“ нужно покончить. Накладные расходы, вырастающие для отдельных предприятий или трестов из

Библиотека Института Ленина при ЦК РКП (б.) 1069610

их работы над новыми техническими путями, должны, конечно, учитываться и перелагаться на все те предприятия, которые этими техническими завоеваниями будут пользоваться. Но государство не допустит такого безобразия, когда целый ряд заводов работает при более высоких издержках производства только потому, что не знает „секрета“, тщательно хранимого одним из заводов. Производственные процессы со всеми их действительными и мнимыми „секретами“ должны быть на учете у центра, должны сосредоточиваться в центральных лабораториях и институтах. Под постоянным, бдительным контролем научно-технических институтов лаборатории заводов и их „секретные“ отделения должны быть превращены в систему сообщающихся сосудов, в которых техника тяготеет к одному и тому же все повышающемуся уровню.

Долой внутренние технические секреты! От капиталистической техники нам пока еще, к сожалению, почти нечего скрывать, так как мы технически гораздо слабее капитализма. Скрывать же от самих себя—значит обворовывать рабоче-крестьянское государство. Надо достигнуть того, чтобы общественное мнение наших хозяйственников, профессионалистов, красных купцов, потребителей отвечало возмущением и карало презрением всякую попытку научно-технического сепаратизма, провинциального знахарства, технической партизанщины—за счет государства и потребителя. Если мы национализовали промышленность, то прежде всего для того, чтобы национализовать работу научно-технической мысли, создать для нее широкую общегосударственную базу. Центральными силовыми станциями этой обобществленной научно-технической мысли и практически-производственной рецептуры являются наши государственные экспериментальные институты.

Наряду с секретными рецептами надо упразднить также и производственную анонимность отдельных заведений и предприятий. На каждой продукции должно быть фабричное клеймо. Страна должна знать, кто и как производит. Играть в прятки с потребителем государству нельзя. Если заводы одного и того же треста в силу разницы оборудования и других причин дают продукцию различного качества, то задачей

треста должно являться — выравнять производство по передовому заводу. А пока это не достигнуто, потребитель должен иметь возможность выбирать, т. е. отличать лучше поставленный завод от хуже поставленного. Анонимность и безличность убивают качество. Этот вопрос, как и все другие, надо проработать применительно к отдельным отраслям промышленности, выработать совершенно точные конкретные предложения и провести их через соответственные управления и отделы ВСНХ.

ОТ ЧАСТНОГО К ОБЩЕМУ

Я упомянул, что нам надо избегать столь заманчивого, на первый взгляд, общего, всеохватывающего подхода к нашей задаче. Можно рассуждать так: качество продукции определяется всей структурой промышленности, ее оборудованием, качеством основных видов сырья и пр., и пр. Таким образом, мы придем к задачам обновления основного капитала, повышения квалификации рабочей силы, рационализации производства, начиная с добывающей промышленности, т. е. к тем капитальнейшим задачам, для которых существуют уже особые органы или совещания. Создавать параллельную работу под флагом качества продукции значило бы только зря расточать силы. Наш подход должен быть, если угодно, прямо противоположен подходу — скажем — Особого Совещания по основному капиталу, — не по целям противоположен, разумеется, а по точке отправления. Мы с противоположных концов должны итти навстречу друг другу. Совещание по основному капиталу идет от самых общих и основных задач к частным. Мы должны подниматься от частных и конкретных задач к общим. На каком то пункте мы будем встречаться с работой других органов и передавать им наши выводы и предложения.

Я уже сказал, что мы подходим к промышленности под потребительским углом зрения, причем на первых порах мы выдвигаем вперед частного потребителя, так как государственный потребитель имеет в своих руках гораздо больше орудий для защиты своих интересов. Наш массовый частный потребитель — рабочий, особенно крестьянин, — по общему правилу

не следит за нашей промышленной статистикой, за таблицами, сравнивающими нашу нынешнюю продукцию с довоенным уровнем и пр., и пр. Но, тем не менее, у каждого такого потребителя имеются в его квартире или избе ряд весьма точных приборов, служащих ему для измерения успехов государственного хозяйства. Такими безошибочными измерительными приборами, практически определяющими отношение рабочих и крестьян к социализму, являются наиболее ходовые продукты личного потребления, домашнего обихода, а для крестьянина сверх того—и орудия производства. Сколько стоит коробочка спичек, сколько в ней спичек и как эти спички зажигаются — под этим углом зрения крестьянин подходит к социализму. Он-то уже спички подсчитает, ему никакой трест не отведет глаз мнимым снижением цен. Нитка, иголка, ситец, подошва, стакан, чашка, бутылка, нож — это все представители, делегированные промышленностью в дом к крестьянину, рабочему и обывателю. По качеству иголки хозяйка судит о нашей металлообрабатывающей промышленности и судит правильно. Об электротехнике потребитель судит, прежде всего, по качеству лампочки. Для производства электротехнической промышленности слабых токов таким „представительным" товаром является телефонный аппарат. Для строительной промышленности таким узловым продуктом является кирпич и пр., и пр. Чтобы не разбрасываться и не растворяться в общих мероприятиях, нам нужно выделить для каждой отрасли промышленности определенное, по возможности, ограниченное число продуктов, непосредственно врезывающихся в жизнь массового потребителя, и эти продукты поставить под особый контроль. Наш нажим на промышленность в определенных, конкретных пунктах — иголка подметка, лампочка, кирпич — скажется постепенно на всей промышленности целой системой расходящихся кругов, и на известных этапах сочетается с работой по обновлению основного капитала, по рационализации промышленности, по повышению квалификации рабочей силы и т. д. Но, во-первых, мы будем содействовать ускорению всех основных работ нашим нажимом на чувствительные потребительские узлы всей нашей товарной системы и, во-вторых, в ближайшее время сможем, при

правильной работе, достигнуть таких практических результатов, которые будут ощутимы для потребителя.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Такого рода практически-потребительский подход должен, однако, направляться и оплодотворяться правильно работающей научно-технической мыслью широкого размаха. Здесь мы подходим к вопросу о сочетании работы Научно-Технического Отдела и его институтов с общей работой промышленности и нашего Совещания в деле поднятия качества продукции. Здесь связь самая тесная и неразрывная. Нужно только уметь организовать ее не по шаблону, а в соответствии с природой каждой отдельной отрасли промышленности, с ее фактическим состоянием и очередными потребностями. Здесь перед нами — труднейшие задачи, но зато и гигантские перспективы. Этот вопрос мы будем еще обсуждать особо. Я ограничусь лишь основными соображениями. Наши экспериментальные и научно-технические институты почти сплошь созданы революцией, выросли из задач национализованной промышленности и в этом смысле представляют собой, по своим техническим тенденциям, глубоко социалистические учреждения, независимо от того, сознают ли это все наши научно-технические работники или нет. Социализм предполагает определенную техническую основу. Научно-технические институты эту основу обобществленного хозяйства подготовляют и вырабатывают на основе нашего и мирового производственного опыта и научных достижений.

Отношения наших институтов с хозяйственными органами не однородны: в одних отраслях промышленности лучше, в других — хуже. А есть такие отрасли промышленности, где отношения прямо враждебны. Причины этому очень разнообразны. Основная причина, однако, — отсталость. Иные отрасли промышленности так отстали, что не сознают своей отсталости и не понимают необходимости правильной работы научно-технической мысли. Другие отрасли связались с заграничной техникой, что, конечно, совершенно правильно, и думают, что могут обойтись без самостоятельной работы советской научной мысли, то уже в корне неправильно.

Учиться у Европы и Америки нам необходимо. Доходить своим умом до того, что уже в странах передовой техники давно добыто, нет никакого смысла. Лучше пересадить готовое, проверенное, чем, повернувшись спиной к Европе и Америке, заниматься ломоносовщиной, доходить до всего „своим умом". Но пересаживать иностранную технику совсем не так просто. Для этого нужна своя собственная, благоприятная и восприимчивая научно-техническая среда. Чтобы нам уметь использовать достижения Америки, технику Германии, надо, чтобы наша собственная мысль непрерывно прорабатывала практические и теоретические вопросы производства в их связи и взаимозависимости, накопляя собственный научный капитал. Только при этом условии мы будем иметь постоянный резерв теоретиков и практиков, способных привить основному стволу нашего хозяйства новые достижения мировой техники.

Этим я вовсе не хочу сказать, что в нашем научно-техническом мире все обстоит благополучно. Далеко нет. Здесь есть свои группировки. Одни — прогрессивные, вытекающие из различного научного и технического подхода к разрешению больших задач. Такое соревнование и полезно, и необходимо. Но есть группировки, выросшие из старых капиталистических связей с мощными иностранными фирмами, — и эти реакционные группировки надо разбить, поставив всех научно-технических работников на службу обобществленной промышленности.

Центральные институты не могут, разумеется, разрешить все задачи. Они должны быть окружены целой системой лабораторий при заводах, трестах, кооперации и пр. Заводскими лабораториями разрешаются непосредственно практические повседневные задачи в рамках уже установленных методов производства. Лаборатории трестов могут иметь контрольно-аналитический характер как по отношению к сырью, так и по отношению к продукции заводов. Весь этот опыт сосредоточивается в центральных институтах, которые охотно открывают свои лаборатории инженерам заводов и трестов для производства тех или других более сложных опытов в благоприятной обстановке мощного центрального института,

где можно иметь советы и руководство высоко квалифицированных работников. Центральные же институты ищут новых путей в производстве или руководят введением в нашу промышленность новых для нее европейских и американских методов. На основании всестороннего изучения продукции определенных отраслей промышленности, центральные институты устанавливают технические нормы производства и качественные стандарты, ниже которых промышленность не смеет спускаться. Разумеется, такие стандарты должны быть строжайшим образом проверены технически и экономически. Контрольные лаборатории проверяют соответствие продукции установленным для нее техническим нормам. Квалификационные комиссии, состоящие из авторитетных экспертов, устанавливают для продуктов государственной промышленности сертификаты (удостоверения), выдают товарные паспорта, свидетельствующие о том, что эти продукты отвечают техническим нормам и заслуживают доверия. Наконец, компетентные арбитражные комиссии рассматривают все конфликты, связанные как с качеством продукции, так и другими ее техническими и экономическими условиями. Такого рода квалификационные и арбитражные комиссии, опираясь непосредственно на контрольные лаборатории, будут вести всю свою работу под руководством центральных институтов.

Сейчас, когда у нас не только при заводах, но и при трестах, во многих отраслях совершенно нет простейших лабораторий, некоторые наши центральные институты забрасываются многочисленными мелкими поручениями и заданиями, которые с полным успехом могли бы быть разрешены в скромных лабораториях заводского типа. Конечно, поскольку тресты не имеют своих лабораторий, институты не вправе отказываться от таких заданий. Разрешая их, они должны подготовлять аналитиков для будущих чисто промышленных лабораторий. Создание последних абсолютно необходимо. Они должны освободить главный кадр работников в центральных институтах для научной работы в собственном смысле слова, т. е. для обобщения всего опыта промышленности и науки и для постановки новых самостоятельных задач. Вне такой работы, которая должна обеспечить нам возможность в области науки, а значит

и в области техники твердо стоять на собственных ногах, существование центральных институтов было бы совершенно излишним. Далеко не все наши хозяйственники понимают необходимость этой чисто научной работы, которая тоже упирается в практику, но не сегодняшнего, а завтрашнего или после-завтрашнего дня. Степень того интереса, какой наши производственники питают к работам институтов, лучше всего характеризует ту скорость или ту медлительность, с которой мы стремимся освободиться от нашей технической азиатчины.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ

Еще один вопрос. Не раз уже говорилось, что сравнение нынешней продукции с так называемым довоенным уровнем должно быть отброшено, как негодное, не только потому, что довоенный уровень не идеал для нас, а прежде всего потому, что из рамок такого сравнения совершенно изгоняется вопрос о качестве продукции. Нам надо сравнивать продукцию нашей промышленности с соответственной продукцией нынешнего мирового рынка. Это есть единственно правильное и поучительное мерило. Устанавливая технические нормы для нашей промышленности и следя за их выполнением, мы должны, по крайней мере, для важнейших продуктов исчислять сравнительный коэффициент, определяющий отношение наших изделий к изделиям мировой продукции. Если, скажем, наш цветной карандаш, со своей хитроумной иностранной надписью, стоит в два раза дороже иностранного, если он, в силу своей ломкости, расходуется в три раза скорее иностранного; если он при этом пишет в три раза хуже иностранного (и это нужно измерить), то общий сравнительный коэффициент будет одна восемнадцатая, т. е. наш карандаш в восемнадцать раз хуже соответственного иностранного. Такой коэффициент может показаться чудовищным, а, между тем, в некоторых случаях он окажется вполне реальным. Надо перестать ограничиваться оценкой на-глаз: „немножко хуже заграничного“, „немножко дороже“, „немножко менее прочно“ и т. д. Немножко, помноженное на немножко, да еще немножко и дает такой коэффициент, который кажется чудовищным. Так вот, сравнительный коэффициент, точно установленный, строго проверенный и

всесторонне освещенный перед производственниками, будет иметь могучее воспитательное, т. е. подстегивающее действие. Это куда более действительно, чем конкуренция двух наших заводов, одинаково отсталых от иностранного уровня.

Постепенные изменения этих сравнительных коэффициентов будут вместе с тем лучшим мерилом для определения упрочения наших социалистических позиций в международном капиталистическом окружении. Если в худшие времена мы не допускали иллюзий и самообольщения, то тем меньше мы нуждаемся в них теперь. То, что сделано, достаточно велико, чтобы более ярко осветить гигантские еще неразрешенные задачи. Капиталистический мир силен колоссальным перевесом своего технического могущества. А мы сильны возможностями, которые открывает перед нами национализованная промышленность и обобществленная научно-техническая работа. Чтобы использовать эти преимущества, нам необходимы: безбоязненная оценка своей отсталости и страстное стремление преодолеть ее. Общие разговоры об отсталости надо заменить языком точных цифр. Давайте нам сравнительные коэффициенты! Они будут измерять нашу силу и слабость и побуждать к неустанной борьбе за повышение качества нашей продукции.

БОРЬБА ЗА КАЧЕСТВО

(Из выступлений на пленуме Особого Совещания по качеству продукции 17 августа 1925 г.)

ПОТРЕБИТЕЛЬ ЗАШЕВЕЛИЛСЯ

Известный отклик наши первые шаги или, вернее, пока еще лишь намерения нашего Совещания в стране уже нашли. Достаточно сказать, что мы из Херсонской губ. получили за корявой подписью нескольких крестьян сообщение, в котором они жалуются на то, что им под торжественным именем „смычки" продают в кооперации никуда негодный ситец по 55 копеек метр. Они приложили и этикетку, на которой, действительно, со всей торжественностью выведено слово „смычка". Жалуются нам на то, что в московских государственных магазинах продают иногда сапоги на разный размер ноги и т. д., и т. п. До такой степени, значит, у людей накипело, что они даже из отдаленных мест посылают такого рода жалобы к нам сюда. Я думаю, что мы для таких жалоб должны будем создать постоянные и при том простые каналы. Но самый факт этих жалоб вполне прогрессивен, он скажется на нашем производстве.

Эти жалобы могут служить серьезнейшим предостережением тем нашим трестам, которые сейчас, пользуясь монопольным положением и товарным голодом, гонят производство вперед, не оглядываясь на качество. Я думаю, что можно, без риска ошибиться, предсказать таким трестам или отдельным заводам неизбежный крах. Да, неизбежный крах! При первом рыночном затруднении, при первой заминке сбыта,—а такие моменты в дальнейшем неизбежны, не всегда же у нас будет товарный голод,— при первом замедлении оборота полетят прахом все те тресты, которые спекулируют на товарном голоде и не улучшают качества продукции. Их нынешние успехи похожи на соломенный огонь: вспыхнет и потухнет.

Не надо считать потребителя таким уж беспомощным, глуховатым, подслеповатым, беззубым существом. Он уж и сейчас, при наличии товарного голода, начинает шевелиться. Его сила в его массовидности, и эта сила скажется. Потребитель жестоко отомстит всем тем промышленным предприятиям, которые игнорируют его интересы. Он отомстит при первой возможности, и при том сразу, без предупреждения, повернувшись своей широкой спиной к тем изделиям, которыми он раньше кормился по нужде. Только планомерная и добросовестная производственная работа, хотя бы и в условиях жестокого товарного голода, только систематическое завоевание потребительского доверия могут обеспечить действительное процветание заводов и трестов.

ХОЗЯЙСТВЕННИКИ И ПЕЧАТЬ

Наша промышленность стояла в последние годы под двумя давлениями — по линии увеличения количества продукции и по линии снижения себестоимости и цены.

Сейчас открылось давление по третьей линии, — по линии качества продукции. Естественно, если некоторая часть промышленности с тревогою, а отчасти и с прямым недоверием взирают на это новое „наступление“. Конечно, можно заранее сказать, что борьба за качество продукции сулит хозяйственникам не одни только „отрадные“ впечатления, но в то же время необходимо с самого начала устранить одно возможное недоразумение: борьба за качество продукции ни в каком случае не может превратиться в огульную борьбу потребителя против производителя. Во всяком случае наше Совещание имеет своей задачей согласовать усилия потребительских органов и производственных, чтобы неизбежные трения свести к минимуму. Нашу работу мы будем, разумеется, вести только через существующие производственные организации, через правления трестов, заводов, фабрик, при содействии синдикатов и проч. Организовать „заговор“ против хозяйственников мы не собираемся. Это необходимо подчеркнуть, так как в этой области уже возникли некоторые недоразумения, опасения и волнения, объясняемые новизною дела. По существу же смысл и метод нашей работы совершенно ясны: улучшить качество продукции можно

только через те органы, которые создают эту самую продукцию.

Но если мы, с одной стороны, так сказать, заранее даем гарантию нашим хозяйственникам в том, что борьба за качество ни в коем случае не превратится в поход против производственников, то с их стороны мы должны кое-чего потребовать в виде возмещения, а именно: хозяйственники должны не так чувствительно и нервно реагировать на всякую критику, хотя бы даже преувеличенную и неточную.

Вопрос о качестве продукции считается чуть ли не государственной тайной. Нельзя порицать, нельзя клеймить, нельзя бранить, потому что это подрывает, видите ли, интересы государства, так как тресты — государственные организации. И печать чаще всего молчит. Надо с печати снять эту... печать молчания. Газеты наши должны заговорить полным голосом относительно качества продукции, называя тресты и заводы по именам, по отчествам и фамилиям. Без этого наше Совещание окажется лишней бюрократической затеей и ничем больше. Нашим общим—и потребителей и производственников—лозунгом должно быть: больше гласности, больше критики, больше бдительного и даже придирчивого внимания печати к вопросам качества! А мы, со своей стороны, обещаем печати внимательно следить за ее голосом и пользоваться всем, чем можно будет воспользоваться. Социалистическое государство ни в коем случае не заинтересовано в укрывательстве недочетов и грехов своей промышленности. Социалистическое хозяйство сознательно служит потреблению. Государство бдительно охраняет потребительские интересы населения. Именно этим государство, опираясь на потребителя и печать, лучше и полнее всего содействует прогрессу производства.

ДОВОЕННЫЙ УРОВЕНЬ

Руководящие наши хозяйственные органы констатируют, что мы подходим к концу восстановительного периода, т. е. приближаемся к тому объему сельского хозяйства и промышленности, какой имелся у нас в 1913 году. По данным Госплана, сельская продукция 1925/26 года составит около

$11^1/_2$ миллиардов рублей, т. е. 89 проц. продукции 1913 года. Предполагаемая общая сумма промышленного производства в 1925/26 году по довоенным ценам должна составить 6,7 миллиардов рублей против 7 миллиардов в 1913 году. Продукция крупной промышленности должна достигнуть в ближайшем году 94 проц. довоенной.

Нужно, однако, сказать, что эти в высшей степени важные данные не включают в себя элемент качества продукции. Исчисление производится следующим образом: берутся товары одного и того же наименования за 1913 год и за нынешний год и помножаются на цены каталогов 1913 года. Это условное единство цен делает возможным ценностное сравнение продукции. Но совершенно очевидно, что при этом методе игнорируется качество. Если на миллион аршин ситца 1913 года приходится ныне 900 тысяч аршин ситца той же спецификации, то совершенно ясно, что в денежном выражении по ценам 1913 г. соотношение нынешней продукции к довоенной будет выражаться в 90 проц. Но столь же ясно, что если нынешний ситец по качеству своему, скажем, на 10 проц. ниже довоенного, то это обстоятельство уже очень значительно должно изменить сравнительный коэффициент к невыгоде для нынешней продукции. Если принять во внимание, что почти вся нынешняя продукция по качеству ниже довоенной (что, как известно, наблюдается и в большинстве капиталистических стран), то станет совершенно очевидным, каким огромным элементом этот вопрос входит в нашу хозяйственную жизнь и как сильно он давит на реальный коэффициент, хотя и не находит себе точного статистического выражения. Во всяком случае ясно, что если в отношении количества продукции мы подошли к восстановительной грани, то этого отнюдь еще нельзя сказать относительно качества. Когда мы говорим, следовательно, что продукция крупной промышленности в 1925/26 году достигнет 94 проц. довоенной, то мы вводим в нашу оценку некоторый элемент условности, как бы предполагая качество постоянной величиной. Совершенно очевидно, что такая оценка далеко не вполне совпадает с действительностью. Этот коэффициент нуждается в статистической поправке, очень трудной в виду трудности измерения качества, но придать этому коэффициенту

(94 проц.) полную реальность мы можем, лишь выровняв на деле линию качества с линией количества. В эту сторону и направлены теперь наши усилия.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА, СЕБЕСТОИМОСТЬ, СКОРОСТЬ ОБОРОТА И КАЧЕСТВО

Под указанным углом зрения нам придется на практике частично пересмотреть оценку наших достижений в разных областях.

Ясно, например, что вопрос о производительности труда теснейшим образом связан с качеством того продукта, который характеризует производительность труда. Увеличение, скажем, количества пар сапог на одну рабочую силу вдвое при одновременном ухудшении качества втрое,—беру нарочно резкий пример,—означало бы фактическое снижение производительности труда на $33^1/_3$ проц., тогда как при игнорировании вопроса о качестве статистика покажет в этом случае увеличение производительности труда на 100 проц.

То же самое относится к себестоимости и к цене. Голый учет снижения себестоимости на единицу товара без одновременного учета изменений качества может приводить к совершенно ложным выводам. Сейчас поднимаются тревожные предостерегающие голоса по отношению к нашей суконной промышленности, которая, по мнению некоторых авторитетных специалистов, в погоне за удешевлением до такой степени снижает качество сырья, что на поверку самый дешевый товар может оказаться самым дорогим.

Сюда же относится целиком вопрос о скорости оборота. Мы вели и продолжаем вести борьбу за ускорение производственно-торгового цикла, так как этим путем при помощи одного и того же капитала можно произвести большее количество продуктов. В области организационно-производственной (внутренний транспорт), транспортной в собственном смысле слова и торговой, всякое сокращение сроков является, так сказать, абсолютным благом, понижая цену на товар совершенно безотносительно к его качеству. Но этого совсем нельзя сказать с такой категоричностью по отношению к производственному процессу в собственном смысле слова. Тут

для ускорения имеются нередко очень жесткие технологические (химические и проч.) пределы. Когда кожевенная промышленность в погоне за ускорением оборота жестоко бьет по качеству искусственным сокращением процессов дубления, переходя технически допустимые пределы, то ясно, что народно-хозяйственная „выгодность“ такого ускорения оборота требует по меньшей мере семикратной поверки. За последний период нажим на промышленность шел, главным образом, по такой линии: дай больше продуктов и дай продукты, как можно более дешевые. Отсюда неизбежно в промышленности кое-что перекосилось, потому что повышение производительности труда и уменьшение себестоимости покупались сплошь и рядом снижением качества. Но только несомненные (хотя еще далеко недостаточные) успехи в области производительности труда позволяют нам теперь ребром поставить вопросы качества.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ

Из всего сказанного совершенно очевидно, что правильный учет качества представляет для нас народно-хозяйственную проблему исключительной важности. Чтобы показать яснее, что я под этим понимаю, я приведу небольшой, но вполне конкретный пример, который, как мне кажется, вводит нас в самую суть дела. Я приведу лишь следующие поучительные места из полученного мною письма от Химугля: „Следует отметить, что за-границей карандаши вырабатываются на вполне усовершенствованных по оборудованию фабриках, мы же пока о своей фабрике в смысле усовершенствования этого сказать не можем, и, не взирая на это, многие организации, вполне компетентные, признали наши карандаши по качеству графита почти не уступающими заграничным“.

Должен сказать, что эта фраза меня заставила насторожиться больше, чем критическая заметка „Рабочей Газеты“. Если наше оборудование несравненно хуже иностранного, то каким же образом наши карандаши „почти“ не уступают заграничным? Может быть, мы возмещаем худшее оборудование более высокой квалификацией рабочих и техников? Вряд ли. Лучшим качеством сырья? Не похоже. Тогда мы имеем

перед собою производственное чудо: при худшем оборудовании, при более низкой квалификации, при отсутствии традиций и навыков в карандашном производстве, при неудовлетворительном сплошь сырье мы даем продукцию, „почти“ не уступающую заграничной. Где же разгадка этой производственной тайны? По-моему, в словечке „почти“. Вот это словечко надо расшифровать, т. е. точно измерить его, а это и значит заменить обывательскую самооценку на-глаз, в роде того, что мы ничуть не хуже или „почти“ не хуже заграницы, точными коэффициентами, в которых сравнение качества сочетается со сравнением себестоимости, давая полновесную оценку изделия.

Сравнительный коэффициент, в который входит как сравнение себестоимости, так и сравнение качества, может во многих случаях оказаться крайне неблагоприятным. Гораздо утешительнее заменять точный коэффициент описательным и уже совершенно неточным выражением вроде: мы несколько отстаем; наша себестоимость, конечно, выше; по качеству наши товары все еще уступают и пр. и пр. Такие выражения наводят на мысль о сравнительном коэффициенте в $^2/_3$, $^3/_4$ и проч., тогда как во многих случаях он окажется $^1/_5$ или 0,1. Разумеется, система социалистического протекционизма, выражающаяся прежде всего в монополии внешней торговли, должна сохраниться и сохранится целиком. Если молодые капиталистические страны, чтобы поднять внутреннюю промышленность, прибегали и прибегают к протекционизму, если старейшая капиталистическая страна, Англия, пытается ныне применять протекционизм для сохранения остатков своего былого господства на мировом рынке, то тем более молодая социалистическая страна вынуждена ограждать свое внутреннее строительство от напора капиталистических сил, как в их стихийных, так и в сознательно направляемых действиях. Но именно для того, чтобы правильно применять систему социалистического протекционизма, не давая ей вырождаться в самоблокаду и в то же время не делая излишних и опасных уступок фритредерству, нам необходимо точно измерять в каждый данный момент силу давления внешнего рынка на каждую отрасль нашей промышленности и даже на каждую товарную единицу. Другими словами, мы в каждый данный момент должны знать,

на сколько именно процентов иностранный товар лучше и дешевле нашего. Манометр показывает машинисту силу давления пара на стенки котла, по манометру машинист направляет свою работу. Сравнительные товарные коэффициенты и должны играть роль показаний манометра для машинистов нашего социалистического хозяйства. Только располагая такого рода научно проверенными данными товароведения, мы сможем овладеть, как следует быть, аппаратом внешней торговли, сделать его несравненно более инициативным и гибким, так, чтобы каждая его операция своевременно дополняла и питала работу государственной промышленности и внутренней торговли. Наконец, и наша концессионная политика, опираясь на сравнительные коэффициенты советской и мировой продукции, сможет принять несравненно более планомерный характер, в теснейшей связи с недочетами и потребностями нашей промышленности.

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ

Производительность труда измеряется расходом энергии не просто на единицу продукта данного наименования, но и на единицу продукта данного качества. Все меры, которые ведут к более правильной постановке производства, тем самым должны вести и к повышению качества продукции. Но и обратно: борьба за качество продукции приводит к рационализации производства. Здесь из самого существа дела вытекает несколько подходов, не исключающих, а дополняющих друг друга: во-первых, подход под углом зрения технической базы производства — машинного оборудования, сырья и вспомогательных материалов; во-вторых, подход под общеорганизационным углом зрения: правильного сочетания производственных процессов, специализации заводов и пр.; в-третьих, подход под субъективно-производственным углом зрения: внимательности, добросовестности, тщательности работы и пр. Совершенно ясно, что рост нашей промышленности и улучшение продукции мыслимы только при условии одновременной работы по этим трем основным направлениям. Но главная задача нашего Совещания состоит в подходе к делу под последним, т. е. субъективно-производственным углом зрения.

Что это значит, я сейчас поясню. Те же самые хозяйственники, которые ссылаются на объективные причины (изношенность оборудования, плохое сырье и пр.), нередко говорят, какое, мол, может быть теперь „качество", когда на рынке товарный голод? Это — фраза довольно ходкая. Что она собственно означает? Не больше и не меньше, как то, что плохое качество продукции зависит сплошь и рядом от монопольного положения промышленности и товарного голода, т. е. от невнимания к потребителю. Обратная теорема гласит: если бы не было товарного голода, то и при нынешнем сырье и при нынешнем оборудовании можно было бы давать продукцию более высокого качества. В этом весь гвоздь! Хозяйственники слишком независимы от потребителя. Чтобы сделать их более зависимыми, есть ряд путей. Одним из них является дополнительный ввоз иностранных товаров, ослабляющий товарный голод и повышающий зависимость трестов от потребителя и тем самым вынуждающий их улучшать качество продукции при тех условиях, какие есть. Это делается частично уже сейчас и будет делаться и впредь. Другой путь — контроль общественного мнения, печати, государственных органов, контроль потребительский и контроль научно-технический. Это и есть наш основной путь.

ТОЛЬКО ЛИ СЫРЬЕ ВИНОВАТО?

Во многих статьях, докладах и речах, посвященных качеству продукции, если авторами этих статей или речей являются производственники, хозяйственники, трестовики, директоры фабрик, мы слышим часто одну и ту же ноту: „В нашем производстве достигнуто (или, осторожнее, почти достигнуто) довоенное или заграничное качество продукции, но все несчастье, вся беда наша в сырье"... Этот ответ можно считать типическим. Стоит, однако, на минуту задуматься над существом вопроса, и станет ясно, что такое категорическое противопоставление сырья и готового изделия представляется довольно-таки наивным. Ведь у нас все основные отрасли как добывающей, так и обрабатывающей промышленности национализированы. То, что является изделием для одной отрасли, поступает в качестве сырья, полуфабриката, вспомо-

вательного материала или оборудования в другую отрасль. Государство является собственником всего промышленного круга, начиная с извлечения руды, угля или хлопка из земли и кончая постройкой дизеля и выпуском в свет готовой ткани. Если вы пожалуетесь на плохую работу портного, то он вам скажет, что ему дали плохое сырье, скажем, сукно, которое растягивается под пальцами, или нитки, которые рвутся. Суконщик скажет, что его снабдили плохой шерстью и плохой машиной. Машиностроитель будет жаловаться на плохой металл. Металлург сошлется на руду. И так без конца. Где же в конце концов сидит тот супостат, который дает дурное качество? Разумеется, в том или другом случае может оказаться, что портной хорош, а суконщик плох. Но, вообще говоря, нет никакого основания считать, что готовые изделия (какие?) производятся лучше, чем так называемое сырье. Но зато верно другое: к недочетам сырья присоединяются недочеты полуфабриката, а сверху на них накладываются недочеты готового изделия. Но тот, кто последним приложил руку к продукту, склонен видеть только грехи своих предшественников.

Тут говорилось, что в кожевенном деле сырье составляет 75 проц. Это верно в том смысле, что оборудование в кожевенной промышленности играет несравненно меньшую роль, чем сырье. Но это не дает кожевенникам никакого права передвигать вопрос о качестве в область сырья. Вы скажете: „Мы дадим лучшее дубление, если нам дадут хорошо снятые и хорошо сохраненные кожи“. На это вам ответят из нижнего этажа: „А вы дайте нам хорошо приспособленные бойни“. Мало этого: нужно, чтобы на эти бойни поступал хорошо откормленный и холеный скот. Нужно охранять скот от овода. Тут промышленность должна притти на помощь крестьянину и общими, и специальными мерами. Словом, должно отсылать от одной отрасли хозяйства к другой и, пустив вопрос в круговую, вернуться к коже с другой стороны. Круг промышленности превращается в порочный круг. Разумеется, мы сформируем здесь ряд предложений и требований относительно кожевенного сырья, но основная задача кожевенного совещания состоит в выработке мер улучшения качества

продукции внутри самого кожевенного производства. Если верно, что сырье составляет 75 проц., а обработка его 25 проц., то, значит, внимание наше надо сосредоточить прежде всего в кругу этих 25 проц., а о сырье будем говорить с другими. Такой подход обеспечит практические результаты. Иначе хозяйственники, сваливая вопрос о качестве с одной отрасли на другую, уподобятся жонглерам, которые лбами перебрасывают друг другу мяч на арене цирка.

ЕЩЕ О СЕКРЕТАХ В ПРОИЗВОДСТВЕ

Первым подходом к стандартизации изделий является упразднение местных и частных производственных „секретов". На эту тему за последнее время писалось и говорилось уже не мало. В „Торгово-Промышленной Газете" была напечатана на этот счет недавно статья за подписью Л. Ц., в которой вопрос разрешается с необыкновенной простотой; когда иностранная техника вытеснит, мол, нашу доморощенную, тогда наши секреты упразднятся сами собой; поэтому никакие хозяйственно-административные меры не нужны. Это решение вполне в духе старого истинно-русского секрета. „И решили так оставить". Что более высокая индустриальная техника упразднит все наши секреты вместе с нашею отсталостью, это бесспорно. Но ведь речь идет не о той промышленности, которая будет в разных отраслях через 2, 3, 5 лет, а о той, которая существует сейчас и которую нам надо улучшать. Сохранять средневековый режим секретничества, под предлогом того, что раньше или позже все равно иностранная техника вытеснит его, значит проявлять в хозяйственной области то качество, которое Владимир Ильич когда-то в политике назвал хвостизмом. Нет, надо в каждой отрасли промышленности, в каждом синдикате, в каждом тресте, на каждом заводе взять „секреты" на учет сейчас, немедленно и подвергнуть их компетентной проверке на предмет скорейшей и по возможности безболезненной ликвидации. Надо растворить их навсегда в колбах и ретортах трестовских и заводских лабораторий.

Что касается кожевенного производства, то, по словам проф. Поварнина, секрет изгнан здесь лишь на самые последние годы

и сохранил известную роль лишь в отраслях неширокого потребления: лак, технические кожи, отчасти хром. Осуществление сети лабораторий, намеченной нашим совещанием, должно будет окончательно упразднить секрет, по крайней мере, в главных отраслях кожевенного производства. Разумеется, далеко не исключена возможность возникновения новых секретов и новых секретчиков. Источником их является неуверенность техника, изобретателя, квалифицированного работника в своем положении. Слишком узкое, невнимательное, жесткое отношение администрации трестов и заводов к изобретателям и техникам толкает этих последних на путь секрета. Бороться против такого рода явлений, одинаково враждебных техническому прогрессу и духу коллективизма, можно в настоящих переходных условиях только внимательным отношением к наиболее ценным работникам промышленности, соответственной оплатой их инициативы, изобретательности, находчивости и пр. Но, независимо от этих общих мер, необходимо также и в кожевенной промышленности посредством надлежащего обследования тех или иных производственных углов и закоулков проверить, что скрывается под теми или иными „секретами", чтобы сколько нибудь ценные (если есть) распространить на соответственную отрасль промышленности целиком, а негодные, устарелые или фальшивые поскорее ликвидировать.

Но тут надо сказать несколько слов о секретах вообще. С этим вопросом произошла таинственная история. О секретах в производстве печать заговорила в связи с работами по качеству продукции. И в „Экономической Жизни", и в „Торгово-Промышленной Газете", и в „Правде", и в других изданиях появились статьи и заметки, изобличающие секреты и секретничество в разных отраслях промышленности. Говорилось, что секретничество является величайшим бедствием отсталых отраслей. Называли лак, краску, эмаль, фарфор, стекло и проч. В некоторых статьях писали: у нас по захолустьям, что ни завод, то секрет. Приводили такие примеры: мастер-секретчик, чтобы оградить от непосвященных свой секрет, производит смесь, запершись на ключ, при чем выливает излишки химических материалов, дабы ввести в заблуждение насчет действительной пропорции составных частей своей смеси.

На секреты и секретничество жестоко жаловались представители силикатной промышленности на заседании совета содействия институту силикатов. Вот все это вместе и побудило меня выдвинуть предложение о ликвидации секретничества путем компетентной проверки секретов и выкупа тех немногих, которые могут представлять реальную ценность. Но вот появляется в „Торгово-Промышленной Газете“ анкета, в которой „практики-производственники“ дают свое заключение о секретах в производстве. Мы слышим здесь представителей Резинотреста, Лакокраски, Жиркости и др. Общий их голос: никаких секретов нет, это одно недоразумение. Если почитать анкету, то можно подумать, будто вопрос о секретах выдуман был Особым Совещанием по качеству продукции. Тут что то не так. Шутя, я даже сказал товарищам: ведь секрет в том и состоит, чтобы его держать в секрете; немудрено, стало быть, если кое-какие „практики-производственники“ наличие его отрицают. Хочу, однако, надеяться, что это только шутка, хотя на „секреты“ мы наталкивались даже в такой высококвалифицированной промышленности, как электротехническая. Но в сущности сама анкета позволяет выяснить, чем объясняется (по крайней мере отчасти) таинственное исчезновение секретов. Так, инженер одного из текстильных трестов сообщает, что „все секреты, которыми, по их мнению, обладают мастера-секретчики, ничего секретного на самом деле не представляют и давно уже науке известны“. Что все секреты известны науке, это бесспорно.*) Но беда в том, что сама наука составляет для нас нередко секрет. Если рецепт эмали, и притом великолепнейший рецепт, прекрасно известен науке, то это пока-что не меняет того факта, что данное наше предприятие зависит от мастера, владеющего „секретом“ (увы!) плохой эмали. Вот этот мнимый секрет, лежащий в основе эмалевого производства, надо расшифровать ключем научной терминологии. Это и будет первым шагом движения вперед.

Мне на-днях пришлось говорить о химической промышленности с академиком Ипатьевым, который вернулся из-за граничной поездки, где он обозревал ряд химических заводов и

*) Впрочем, и это не вполне верно. От С. Д. Шейна я узнал, что, скажем, секрет японских лаков „науке“ пока-что неизвестен.

лабораторий. Вопрос зашел у нас о промышленности тонких красителей. В. Н. Ипатьев упомянул о том, как трудно французам, несмотря на все их материальные захваты заводов и секретов, перенять немецкую красильную промышленность. А сколько же нужно нам,—спросил я,—лет пять?—Нет, скорее 25,—ответил В. Н. Ипатьев. Думаю, что тут была сознательная гипербола с педагогической целью, чтобы заставить понять, как жестоко отстаем мы в области химической промышленности. А ведь В. Н. Ипатьев знает, надо думать, и химию, и промышленность. Вот почему, когда я слышу от инженера „Жиркости": вы нам дайте сырье, и мы в парфюмерной промышленности в два счета утрем нос французам, то я нисколько этому не верю и мне хочется ответить: прежде чем обгонять парижскую парфюмерию Коти, давайте-ка установим правильный стандарт на хорошее мыло для стирки и научимся выделывать пригодный вазелин.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СТАНДАРТИЗАЦИЯ КАЧЕСТВА ИЛИ БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ НИВЕЛИРОВКА ЦЕН?

За последнее время не раз отмечалось, и отмечалось справедливо, что вопросы качества продукции тесно связаны с выработкой технических норм и с установлением товарных стандартов. Это совершенно правильно, по этой линии идет развитие, но пока-что стандартизованный продукт стоит перед нами как задача, а не как достижение. Между тем в нашей торговой политике мы часто действуем так, как если бы имели дело со сплошным стандартом.

Я приведу пример.

Центросоюз в полученном мною письме жалуется на то, что спичечный синдикат заставляет его покупать спички Медынского объединения наравне со спичками других трестов*). Между тем, по отзыву крупнейшего посредника между производителем и потребителем, спички Медынского объединения

*) Кстати сказать, это пока единственный случай, когда Центросоюз проявил нечто вроде самостоятельного интереса к работе Совещания по качеству продукции. Нельзя не обратить внимания на то, что на последнем заседании кооперация осталась в стороне. Речь шла о коже и о пище, т.е. о таких продуктах, которые глубочайшим образом входят в повседневную жизнь самых широких масс населения. Тут кооперации, казалось бы, принадлежит первое слово. Уж кто-кто, а кооперация должна бы знать, как эта

хуже спичек других трестов. Потребитель не хочет их брать, между тем ему их навязывают. Спичечный синдикат как бы исходит из предпосылки, будто спичечное производство у нас однородно, и на этой фиктивной предпосылке строит политику распределительного районирования и политику цен. Ясно, что тут требуются какие-то радикальные поправки. Спичечный стандарт не есть факт, данный от природы, а есть задача, которую еще нужно достигнуть. Прямая обязанность спичечного синдиката всеми доступными ему способами давить на отсталые тресты и выравнивать спичечный фронт, приближая тем самым спички к стандарту. Но совершенно очевидно, что прямолинейная уравнительная политика цен и принудительного районирования толкает на прямо противоположный путь: зачем тресту улучшать качество спичек, если они продаются по той же цене, что и спички худшего качества? И с другой стороны: зачем Медынскому объединению волноваться по части качества, если его спички имеют принудительный район сбыта по твердой цене. Надо прямо сказать: „стандартизованная" цена при нестандартизованном продукте должна играть реакционную роль в производстве. До тех пор, пока реальная стандартизация не достигнута, нужно дать возможность потребителю платить за худшие спички дешевле, чем за лучшие, или за более дорогую цену получить спички более высокого качества.

Свойства и качества основных продуктов должны быть стандартизованы. Соответственная система мер должна быть распространена, разумеется, и на кожевенные товары.

Но совершенно ясно, что политика уравнительных цен при разнородном качестве продукции идет прямо наперекор задачам повышения и выравнивания качества товаров. Бюрократическая уравнительность цен при неоднородном продукте представляет собою проявление насквозь реакционной политики. До тех пор, пока производство не стандартизовано, нужно из нормировки цен сделать рычаг повышения качества продукции.

самая подошва проявила себя в обиходе крестьянина, крестьянки, рабочего, работницы. Наряду с данными испытательных лабораторий кооперация должна бы нам принести выводы непосредственного житейского опыта, жалобы и претензии потребителя. Между тем кооперация молчала. Там, где речь идет о насущнейших нуждах потребителя, голоса кооперации не слышно. Что это значит? В чем тут секрет? Необходимо во что бы то ни стало и этот секрет раскрыть, как многие другие.

Синдикат должен разыгрывать свою политику руководства по клавиатуре цен. А как же он будет играть, если у него по каждому товару независимо от качества его всего одна нота? Синдикат как-будто становится, или частично встал, на путь варьирования цен. Но это не нашло отражения в тезисах. Другими словами, в арсенал борьбы за качество не включено главное оружие борьбы—цена. Между тем, именно для синдиката, как торговой организации, вопрос о воздействии на качество изделий через посредство цен должен стать основным.

Дальше идет вопрос относительно сырья, но под таким углом зрения, который связан с работой самого синдиката. Все, повидимому, сходятся на том, что в ближайшем году у нас не хватит кожевенного сырья. Разумеется, мы должны сделать все, чтобы в этом году собрать сырье возможно более доброкачественное и консервировать его в возможно более благоприятных для кожевенной промышленности условиях. Соответственную систему дополнительных практических мероприятий мы должны будем по этой линии разработать в течение ближайшей недели. Но я подхожу сейчас к вопросу с другой стороны. Каково бы ни оказалось среднее качество заготовленного сырья, количество его будет по всем данным недостаточным, как с точки зрения спроса рынка на кожизделия, так и с точки зрения производственной мощности кожевенных заводов. Оптовым покупателем сырья является синдикат. От него сырье идет к трестам. Спрашивается: какими принципами будет руководствоваться синдикат при распределении кожевенного сырья? Можно, пожалуй, на первый взгляд возразить, что вопрос этот не имеет отношения к качеству продукции. Нет, извините: он имеет прямейшее отношение. Распределение сырья есть второй рычаг в руках синдиката для воздействия на качество продукции. Если вы будете распределять сырье, которого не хватает, уравнительно, то это будет такой же реакционной политикой, как и уравнительные цены для продукции разного качества. Надо загрузить на 100 процентов лучшие предприятия, дающие кожу наивысшего качества, а остатки сырья распределять на остальных предприятиях в убывающей прогрессии. Вы говорите, что синдикат так именно и собирается поступить? Великолепно, я могу это лишь приветствовать.

К сожалению, это ваше намерение не отразилось в тезисах. Можно жаловаться на сырье, можно жаловаться на машиностроительные тресты,—все это имеется в ваших тезисах, и никто не оспаривает вашего права заявлять эти жалобы в связи с вопросом о качестве ваших изделий. Но наряду с этим у вас в тезисах вопиющий провал: вы, синдикат, ни словом не упоминаете о том, как вы намерены поднимать качество при помощи рычага цен, с одной стороны, рычага сырья — с другой. В этом, думается, основной недостаток ваших тезисов.

ПОТРЕБИТЕЛЬ НЕДОВОЛЕН—ПОТРЕБИТЕЛЬ ПРАВ

В докладе Военного ведомства имеется категорическое утверждение в том смысле, что качество кожевенной продукции, поставленной армии и флоту в 1924/25 г., не улучшилось по сравнению с продукцией предшествовавшего 1923/24 г. Если это верно, — а не верить этому нет основания, — то в этом факте заключается серьезное осуждение нашей кожевенной промышленности, по крайней мере, в той ее части, в какой она работает на оборону. А о кожевенных трестах мы будем судить, разумеется, не только по их работе на рынок, но прежде всего по их работе на армию. В этой области надо всемерно подтянуться. Правлениям трестов и директорам заводов надо непосредственно взять в свои руки наблюдение за работой на нужды обороны. Нарекания военного ведомства, иллюстрированные цифрами, опровергают, на мой взгляд, утверждения трестов, будто кожевенная промышленность у нас ныне не только не ниже, но даже выше довоенной. В отдельных случаях это может быть и так, а в целом совсем не так.

Как вам будет угодно, но потребитель недоволен кожевенными изделиями: недовольно военное ведомство, недоволен Комиссариат путей сообщения, недоволен и частный массовый потребитель. Это основной факт. Вы говорите, что кожевенная промышленность сделала крупные успехи? Что успехи сделаны — это неоспоримо. Но в целом дело все еще обстоит неблагополучно, особенно, если принять во внимание, что потребитель судит по готовому продукту в целом, а не по

отдельным его составным частям. Наша подошва, говорят, лучше европейской и лучше американской. Допускаю, что отдельные заводы достигли столь высокого качества. Но, во-первых, качество это очень неравномерно, не стандартизовано, и потребитель, как бы стоит перед лотереей. Во-вторых, подошва соединяется с верхним товаром, который оказывается уже качеством похуже. В-третьих, в постройке обуви оказываются свои изъяны. В-четвертых, наконец, продавец умудряется соединить в пару два разных ботинка. И вы должны согласиться и признать, что потребителя очень мало утешает хорошая подошва в плохой паре сапог. Если в сандалиях хлястик рвется на пятый день или пряжка ломается через две недели, то много ли пользы в хорошей подошве? Отсюда-то и проистекают недоразумения, потребитель обижается на трест, а когда его жалобы доходят до треста, последний ссылается на свои успехи и обижается на потребителя. А прав-то в этой тяжбе все-таки потребитель, и последнее слово должно остаться за ним.

Надо поднять качество. Надо довести дело до конца. Надо согласовать все элементы, все стадии кожевенной промышленности. Только при этом условии повышение качества будет значиться не в отдельных записях кожевенной промышленности, а на ноге потребителя. Мы имеет дело с промышленностью, где потребитель действительно имеет право требовать того, чего его нога хочет!

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ КОЖЕВЕННЫЙ ИНСТИТУТ

Для контроля над производственной техникой и, в частности, над темпом коже-химических процессов нам нужны лаборатории. Для контроля над лабораториями — центральный институт.

В тезисах кожевенного синдиката говорится о необходимости правильной постановки технического дела. Кое-что в этом отношении уже сделано, спору нет. Если до войны у нас было пять заводских лабораторий, то теперь их свыше 30. Правда, и это число совершенно ничтожно, если принять во внимание, что у нас в одной только стандартизованной кожевенной промышленности свыше сотни кожевенных заводов.

А ведь сверх того существует четыре десятка несиндицированных трестов. Тезисы признают необходимым дальнейшее развитие сети заводских лабораторий и создание контрольных лабораторий. Все это очень хорошо. Но замечательно то, что тезисы совершенно умалчивают о необходимости создания центрального научно-технического кожевенного института, вопрос о котором нашим Совещанием выдвинут, как первоочередный. Чем объясняется это умолчание? Смысл его расшифровать не трудно. Кожевенный синдикат не склонен к такому научно-техническому контролю, который не находился бы под его собственным контролем. Другими словами, кожевенный синдикат отстаивает свою производственно-техническую бесконтрольность. Это по-человечеству понять вполне можно и некоторые иные (отнюдь не передовые) отрасли промышленности готовы поддержать центральную лабораторию лишь при том условии, если она будет предоставлена в их распоряжение. Но нет, на это мы не пойдем. В том-то и смысл создания центрального научно-технического института, что он, служа промышленности, будет в то же время независим от злободневных коммерческих нужд и комбинаций Кожсиндиката и Кожтрестов. Такой институт нуждается в независимости, как для своей научной, так и для своей контрольной работы. В руках ВСНХ, в руках государства, кожевенный институт будет органом контроля над кожевенной промышленностью под углом зрения интересов потребителя. Вместе с тем он будет органом контроля над контрольными лабораториями трестов. Эти последние должны быть вооружены единым методом химического и механического исследования. Вы это сами признаете. Но кто их таким методом вооружит? Центральный кожевенный институт. В погоне за ускорением оборота трест может дать своей лаборатории задание: „А подстегни-ка химическую обработку кожи процентов на 50“. Но тут вступится независимый от трестов институт и скажет: „От этого подстегивания кожа портится на столько-то и столько-то процентов, и за ускорение расплачивается потребитель“. Такой объективный, незаинтересованный контроль государству безусловно необходим, и мы его создадим.

КАЧЕСТВО ТОВАРОВ

Вопрос об улучшении качества изделий нашей промышленности имеет решающее значение. Мы видим и в городе, и в деревне, как население, оправившись от самой тяжелой нищеты годов гражданской войны, стремится лучше одеться, лучше обуться. Первое требование — прочность; второе требование — красота. Параллельно растет требовательность в отношении пищевых продуктов. От пищи все больше требуют, чтобы она была не только доброкачественной, но и вкусной. Требовательность растет также и в отношении предметов домашней обстановки: посуды, утвари, постели, вообще мебели и пр. Крестьянин с особенной требовательностью подходит к качеству сельскохозяйственных орудий. Рост требовательности отражает рост благосостояния и рост культуры; не только отражает, но и опережает, и тем самым гонит все развитие вперед. Вот почему недовольство потребителя качеством продукции является прогрессивным фактом, ибо подтягивает промышленность и не позволяет распускаться торговому аппарату.

Мало говорить о внимательном отношении к потребителю,— надо это внимательное отношение практически организовать. Путей для этого очень много. Основным путем является торговый аппарат. Но этот последний тоже нуждается в контроле. Здесь вступает в свои права печать. Повышение производительности труда было достигнуто при активном содействии всей советской печати. Точно то же будет и в отношении качества продукции, тем более, что эти две задачи неразрывно связаны между собой. Рост производительности труда выражается в увеличении числа продуктов на единицу рабочей силы. Само собой разумеется, что речь может при этом итти о продуктах того же самого или повышающегося качества.

Понижение качества могло бы, в том или другом случае, создать мнимый, фиктивный, ложный рост производительности труда. Действительная проверка производительности труда невозможна, следовательно, без проверки качества товаров. В эту сторону президиум ВСНХ направил свое внимание созданием Особого Совещания по качеству продукции. Наша печать может и должна всемерно притти на помощь не только потребителю, но и самой промышленности в деле борьбы за качество продукции.

Необходимо в экономических отделах наших газет отвести проблеме качества особое место. Публицисты-экономисты должны уделять этому вопросу гораздо больше внимания, чем до сих пор, и главное — должны искать не общего, не формального, не универсального, а делового и жизненного подхода к качеству товаров, т.-е. должны подслушивать потребителя.

К этому делу надо привлечь рабкоров и селькоров. Кое-где попадаются заметки с жалобами на качество товаров. Нужно это поставить серьезнее, систематичнее. Нужно требовать от корреспондентов и вообще журналистов большей конкретности и точности: о каких именно товарах идет речь, какого треста, какой фабрики? Нужно добиться того, чтобы каждый серьезный и добросовестный работник, независимо от того, в какой области он работает, считал своим долгом всеми ему доступными средствами бороться за повышение качества той продукции, с которой он ближе всего соприкасается. Борьба за качество есть борьба за культуру. Кооператор, который не протестует против плохой выпечки хлеба, должен изгоняться с позором. Учитель, который не протестует против плохого качества карандашей или неряшливо сброшюрованных или плохо переплетенных учебников, не выполняет своих обязанностей воспитателя. И так — во всех областях. Надо достигнуть того, чтобы количественный рост нашего хозяйства сопровождался могучим припевом страны: даешь качество!

Всякий работник, тем более хозяйственный, у которого есть те или другие соображения насчет качества промышленных изделий, приглашается вступить в связь с Особым Совещанием по качеству продукции с центральным или местным,

когда, по ходу дела, совещания по качеству продукции будут созданы также и на местах. Всякое соображение, предложение, указание, какого бы маленького вопроса оно ни касалось, встретит в нашем Особом Совещании внимательную оценку. Только такого рода широко организованное давление снизу вверх придаст необходимую силу и жизненность тем административно-хозяйственным мероприятиям, которые проводятся сверху вниз.

„Экономическая Жизнь“,
№ 172 от 30/VII 1925 г.

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕРИТЕЛЕЙ

(Доклад в НТО 11 сентября 1925 г. *)

Проблема качественных измерителей приобретает для нас исключительную важность. В последнее время все обстоятельства заставляют нас убеждаться в том, что вопрос о сравнительных коэффициентах качества изделий нашей и заграничной промышленности встанет в ближайший период в центре внимания хозяйственников и техников и в центре работы научно-технических институтов и лабораторий.

Мы до сих пор применяем сравнительные коэффициенты по отношению к довоенному хозяйству. Это страшно грубо. При выходе на мировой рынок эти сравнительные коэффициенты нам решительно никакой ориентировки не дадут. Между тем, вопрос этот имеет для нас решающее значение, как с точки зрения самого хозяйственного оборота, так и с точки зрения нашей техники. Если, напр., в области электротехнических изделий слабого тока сравнительный коэффициент показывает 1:10, то это значит, что наши изделия в десять раз хуже такого же изделия мирового рынка, а отсюда обычно вытекает — привлечь концессионный капитал или улучшить оборудование, выписать опытных инженеров из-за границы и т. д.

Мы сейчас действуем эмпирически. Многие из наших трестов погнались за иностранной техникой, заключают концессионные договоры, но это совершенно не зависит от методов производства того или иного треста, от того, бывал ли его директор за границей и знакомился ли с иностранным производством. Сравнительных коэффициентов тресты не знают. Между тем, у нас была идея вывесить на стенах предприятий

*) Доклад приводится по отчету „Экономической Жизни".

таблицы сравнительных коэффициентов основных изделий нашей и заграничной промышленности. Эти коэффициенты резюмируют и цену, и качество товара, дают математическое измерение качества по основным отраслям промышленности. Вопрос этот очень сложный. Идеальных норм, как и идеальных цифр, нам не нужно. Но в конце концов мы должны притти к ним и хотя бы приблизительно по основным качествам выработать измерители, которые будут индексами для внешней торговли, для иностранной помощи, для выписки инженеров, для посылки за границу наших специалистов, химиков горняков и т. д.

Само собою разумеется, сравнительный коэффициент должен слагаться из двух элементов: с одной стороны, он должен быть сравнительным коэффициентом себестоимости (поскольку мы можем прекрасно ориентироваться при помощи заграничных цен), а во-вторых—сравнительным коэффициентом качества по основным товарам. Если наш товар вдвое хуже и стоит вдвое дороже, мы знаем, в чем нам надо искать помощи. Сравнительным коэффициентом себестоимости, конечно, НТО и его учреждения не могут заняться, но сравнение качества, несомненно, является его задачей. НТО должен соответственно поставить лаборатории и дать им определенные задачи. Работа, по существу, простая. Придется, очевидно, взять несколько наиболее выразительных товаров той или иной отрасли производства и предложить институтам установить для данных изделий сравнительный коэффициент, измеряя его качество под углом зрения качества заграничного товара.

Я не хочу, однако, быть понятым узко-практически. Качество зависит от многих причин, которые нам не подведомственны. Вопрос лишь о том, как взвесить и как измерить. Если мы подойдем с более общей точки зрения, то увидим, что каждый общественный режим измеряется производительностью труда. Богатейший Рим был разбит варварами потому, что они принесли более высокую систему хозяйства, более высокие сравнительные коэффициенты производительности труда. Эти коэффициенты имеют огромное значение для

каждого капиталистического государства, конкурирующего с другими на мировом рынке. Мы же находимся в условиях жестокой перекрестной конкуренции, и потому самооценка нам особенно необходима. Как компас для мореплавателя, как подзорная труба и другие инструменты необходимы для специалистов, так и нам нужны сравнительные коэффициенты в международном масштабе.

Наши научные институты должны выработать методологию оценки качества. Но как к ней подойти? Возьмем наши товары. Мы имеем в виду товары массовые, расчитанные на широкого потребителя. Что мы должны измерить? Прочность, устойчивость краски и т. д. Капризов вкуса мы измерять не будем, капризов вкуса техника не может себе подчинить. Эстетика вкуса есть у человека, который привык к товарам лучшего качества, — он равняет производство по качеству. Цветом, бойкостью рисунка увлекается невоспитанный потребитель. Задачей нашей научной техники и является воспитать эстетику потребителя по линии действительного, реального, хорошего качества.

Система протекционизма, которую Менделеев так отстаивал по отношению к капиталистическому режиму, находится в несомненном соотношении со сравнительными мировыми коэффициентами. Если бы коэффициент оказался сегодня 1:50, завтра — 1:100 и т. д., то никакой протекционизм ни в капитализме, ни при социализме не выдержал бы напора эмпирических товаров, и страна превратилась бы в колонию. Если же сравнительный коэффициент дал бы сегодня 1:55, завтра — 1:42, 1:30 и т. д., то у нас была бы совершенно другая опора, другая ориентировка. Из этого ясно, что сравнительный коэффициент заполнит ближайшую эпоху, станет основной директивой для хозяйства, для техники. Сравнительные коэффициенты будут директивой и для концессионной политики и для внешней торговли.

Что такое контрабанда? Контрабанда, это — эмпирическая проверка нашего качества и недостаточности сравнительных коэффициентов. Она

ввозит то, что у нас делается хуже и дороже. У нас контрабанда достигла больших размеров. Некоторые определяют ее до 60 млн. р. в год, а, по-моему, она достигает и 150 млн. Эта контрабанда по отношению к нашему внешторговскому обороту, по сравнению с нормальной контрабандой, мала. Однако, если присмотреться, в ней играют большую роль чулки, пуговицы, иголки. Это внедряется в быт и учит искусству сравнительных коэффициентов...

Как же мы должны направить дело? Сейчас ведутся работы по линии стандартизации, составлению товарных паспортов и т. д., но ни один из тех институтов, которые занимаются этой работой, не соединяет ее с оценкой заграничной продукции, и сравнительных моментов, которые играют для нас колоссальную роль, здесь нет. Между тем, именно в этом направлении и должны мы развить свою работу. Мы должны дать только толчек,— дальше пойдет самотеком,— и толчок этот должны дать наши научно-технические институты.

О СЕКРЕТАХ В ПРОИЗВОДСТВЕ

(Письмо в редакцию „Торгово-Промышленной газеты“)

Вопросу о секретах производства посвящена статья товарища Л. Ц. в номере 164 „Торгово-Промышленнной Газеты“ (21-го июля). Статья подводит к практическому разрешению вопросов и именно этим очень ценна. Автор совершенно прав, что секреты нельзя упразднить административным путем. Дело идет о техниках, мастерах, старых рабочих, которые чувствуют себя собственниками, нередко наследственными, того или иного технического секрета. Лишить их такого секрета одной лишь административной мерой было бы подчас более жестоко, чем отнять домишко или огород. Тем не менее, никак нельзя ставить благополучие того или другого производства или отдельных заводов в зависимость от такого рода секретов. Тут нужен более сложный подход, применение комбинированных методов. Мне рисуется дело так:

1) Издается обще-союзный закон, отменяющий внутри нашей собственной промышленности техническое секретничество, при чем национализация секретов производится на началах выкупа по справедливой оценке.

2) Устанавливается срок (или, может быть, разные сроки для разных отраслей промышленности), в течение которого должно быть ликвидировано секретничество.

3) В соответственных отраслях промышленности создаются компетентные комиссии с участием хозяйственника (представителя данной отрасли промышленности), квалифицированного техника данной отрасли промышленности (лучше всего такого, который руководит лабораторной работой завода или треста), представителя профсоюза, представителя Ассоциации Изобретателей. Эта комиссия и руководит выкупом секретов по справедливой оценке.

Таким образом, в рамках общего принудительного закона будет оставлен простор для делового соглашения с секретчиком. Мне представляется, что такой путь был бы наименее болезненным и наиболее прямо ведущим к цели.

Хорошо было бы разработать этот вопрос, привлекши к делу юристов, знатоков нашего промышленного и общего законодательства. Проект декрета следовало бы внести на ближайшее заседание Особого Совещания, чтобы затем провести его через соответственные государственные инстанции.

21 июля 1925 г.

ОБ УЛУЧШЕНИИ КАЧЕСТВА ИЗДЕЛИЙ КОЖЕВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(Доклад на Совещании по кожевенной промышленности 5 октября 1925 г.)

Позвольте приветствовать ваше Совещание и выразить не только пожелание, но и уверенность в том, что оно подвинет еще на шаг вперед нашу кожевенную промышленность, вопрос о которой поставлен в порядок дня центральных и местных хозяйственных органов и, главное, поставлен в порядок дня всего населения, как потребителя. Вопрос этот поставлен твердо и не сойдет в течение ряда лет. Не мне вам объяснять, каково значение кожи и кожевенных изделий в жизни человеческого общества, и пока что это значение не убывает, а с ростом техники возрастает. Я не хочу затевать здесь спор на щекотливую тему о том, достигли ли мы уже в отношении качества кожевенных изделий, так называемого, довоенного уровня. Тут есть некоторое разногласие, суть которого состоит в том, что производитель говорит: „достигли и даже превысили", а потребитель невежливо отвечает: „ничего подобного". У нас сделана попытка посадить науку, научную технику в виде третейского судьи между упрямым производителем и упрямым потребителем. До окончательных результатов мы пока что не дошли, но, во всяком случае, мы единодушны в одном, что количественную продукцию кожи и изделий из нее надо умножить, а качество—повысить.

Я подошел к вопросу о количестве и качестве. У нас нехватка кожевенного сырья. Сырье в вашем деле играет более решающую роль, чем в каком-либо другом, а, стало быть, с сырьем надо обращаться с величайшей осторожностью и бережливостью. Это сейчас центральный вопрос. Вы помните все, как поступали капиталистические страны, когда не хватало сырья. Они стремились перейти от конкуренции к так

называемому военному социализму. Германия первая перешла к военному социализму, для того чтобы избежать конкуренции, т. е. хищнических методов закупки и распределения сырья. Я не предлагаю сейчас никакого определенного рецепта. Это есть дело соответственных хозяйственных органов, и, может быть, ваше Совещание не в последнем счете этот вопрос обсудит. Но что мы стоим перед вопросом о том, чтобы упорядочить заготовку и распределение кожевенного сырья и здесь устранить те хищнические методы, какие у нас имеются в кожевенной промышленности,—это, я думаю, ясно для всякого мыслящего хозяйственника. Если сырья мало, его нужно заготовлять по определенной системе и по определенной системе распределять, т. е. распределять так, чтобы в обработку сырье шло, прежде всего, тем предприятиям, которые дают из этого сырья максимум готового изделия. Плановый принцип в отношении распределения сырья в кожевенной промышленности должен будет в ближайшем году занять господствующее положение. Тут трестам надо как-то сговориться, а некоторым, может быть, и потесниться. А так как это не всегда делается добровольно, то, может быть, ВСНХ, его органам придется при содействии Синдиката или другим путем кое-кого и потеснить. Иначе, товарищи, при конкуренции из-за сырья и при спешке, вызванной стремлением это сырье пропустить как можно скорее к потребителю, получится, что сырье неправильно распределяется, далеко не всегда правильно обрабатывается и, стало быть, и без того недостаточные сырьевые запасы еще уменьшаются постольку, поскольку при слишком спешном дублении, при горячке в области обработки, оно доставляется потребителю, частично, по крайней мере, в мало пригодном виде.

Тут необходимо бережное отношение к кожсырью и возмещение недостаточного количества повышением качества, потому что потребитель получает в последнем счете величину, которая определяется умножением количества на качество.

Если количество кожевенного сырья недостаточно, то тем важнее нам в ближайшем году это количество помножить на повышенное качество. Это есть важнейшая задача. Мы занимаемся сейчас вопросами стандартизации кожизделий. Вопрос

большой и, разумеется, его в короткий срок не разрешишь. Для разрешения этого вопроса, как и вообще для того, чтобы технологию кожпроизводства нам двигать вперед (а кому же, по существу, двигать эту технологию, как не нам, как не Советскому Союзу с нашими будущими, по крайней мере, необозримыми сырьевыми кожвозможностями, а стало быть, и с гигантскими возможностями кожпромышленности?), для всего этого нам необходим научно-технический очаг, источник постоянной работы научно-технической мысли. И уже поставлен вопрос о создании Научно-Технического Института кожпромышленности.

Не скрою от вас, что кое-кто из т.т. производственников относится к этому предприятию, так сказать, прохладно. Я это говорю не с укоризной, потому что есть гораздо более, казалось бы, неотложные задачи, вытекающие из сегодняшней потребности, а Кожевенный Институт—научно-технический, экспериментальный, — это что-то академическое, довольно далекое от подошвы, которая ходит по земле, в то время, как институт витает где-то в облаках. Это и так, и не так. Конечно, было бы неправдой и самообманом, если бы мы сказали, что вот этот самый Научно-Технический Институт предложит самую лучшую рецептуру для кожпромышленности во всех ее отраслях, устранит все беды и проч. Я этого не думаю. Научно-Технический Институт, в виду бедности наших научно-технических сил, их немногочисленности, особенно по кожпромышленности, должен стать, так сказать, высшей школой, школой будущих маршалов кожпромышленности. В этой области такого рода руководители высшей квалификации подрастают, слагаются медленно. Стало быть, и этот институт расчитан не на сегодняшний день. Основной его задачей будет стремление обеспечить кожпромышленность высоким квалифицированным составом. А сейчас этот состав кожпромышленности, как и во всех тех промышленных отраслях, которые имеют старую историю, которые связаны с жизнью человека с первобытных времен, является сильно отсталым. Чем позднее появилась отрасль промышленности, скажем—электротехника, тем более высокие научно-технические требования предъявляются к руководящему персоналу. Наоборот,

чем отрасль промышленности старей, и накопление опыта в ней, казалось бы, больше, тем шире господствуют там, в большинстве случаев, самые примитивные приемы. Между тем, с точки зрения научной технологии, нет никакой разницы между кожпромышленностью и электротехнической промышленностью. И там, и здесь идет дело о природе, о материи, о том, чтобы ее переработать наиболее экономными способами, чтобы она удовлетворяла в наиболее высокой степени человеческие потребности. Значит, здесь научные задачи совершенно одинаковой высоты, одинаковой ответственности. И с точки зрения химии и всех других технологических процессов нет и не может быть разницы или иерархии в разных отраслях промышленности—везде задача одна и та же. А между тем, кожпромышленность является в общем и целом в массе своей несомненно чрезвычайно отсталой, что выражается в чересполосице ее производственных методов и в чрезвычайной распыленности в отношении экономической организации.

Сейчас мы имеем попытки создания новых заводов вне единого общего плана—попытки, которые могут стать гибельными для кожпромышленности, если руководящая планирующая государственная мысль и практика не овладеют полностью этим процессом и не введут этот процесс в русло—во-первых, наличного сырья, во-вторых, наличных основных и оборотных средств и в-третьих — запросов и интересов нашего рынка. И во всех этих направлениях ваше Совещание, как я надеюсь, сделает шаг вперед.

Наконец, последний вопрос, который меня возвращает к началу, к вступительной части моего вам приветствия, — это вопрос об оценке качества наших изделий. При этом мы уже не будем спрашивать, достигли ли мы довоенного уровня в отношении качества: этот вопрос мы оставим в стороне, он сам по себе мало интересен. В самом деле, не заставим же мы новое поколение, — а ведь подрастает новое поколение потребителей, которое эту самую кожу носит на своих ногах, на своих руках или потребляет на своих заводах (техническая кожа),—не заставим же мы это поколение спрашивать у отца, у матери, или у бабушки: „а какого были качества изделия в 1913 или в 1912 году?“ Люди забывают это. Не этим они

интересуются. Они спрашивают: „а какую кожу делает американец, какую кожу делает француз, какую — немец? А наша советская кожа, или наш советский сапог—он получше американского или похуже его?“. Так как мы в области промышленности в общем и целом уже достигли и достигаем довоенного уровня, то нам пора, вообще, от этого сравнения отказаться уже по тому одному, что оно приводит сейчас к бесчисленным спорам, ибо как теперь вывести среднее качество довоенной промышленности, которая научно-технически не изучалась? Это среднее качество из памяти постепенно уходит, расползается в памяти, а американский сапог жив, его можно измерить, взвесить, подвергнуть химической и механической экспертизе, проверке, установить необходимые коэффициенты. Тут уж спорить нельзя. Для оценки наших успехов, а это имеет огромное значение, нам надо научиться точно измерять качество нашей продукции сравнительно с качеством продукции мирового рынка. Это вопрос о так называемом сравнительном коэффициенте качества.

Я обращаю ваше внимание, т. т. хозяйственники, на этот вопрос, который должен будет стать в центре внимания каждого серьезного хозяйственника, способного видеть дальше своей колокольни (а мы, как строители социалистического хозяйства, обязаны все глядеть дальше своей колокольни). Вопрос о сравнительном коэффициенте качества, сравнительном по отношению к мировому рынку, будет главной контрольной инстанцией в течение ближайшего хозяйственного периода для каждого из нас. Вопрос о том, в каком отношении стоит наш сапог к американскому, наша техническая кожа по отношению к немецкой или к той же американской, — это есть вопрос о том, как быстро развивается социалистическое хозяйство перед лицом гигантского капиталистического напора.

Чем измеряется каждый хозяйственный строй? Он измеряется производительностью труда. Когда мы говорим о производительности труда, мы часто забываем один из составных элементов этой производительности—качество. Если при сдельщине мы достигнем такого успеха, что единица рабочей силы дает нам 3 пары сапог там, где эта единица давала раньше 2 пары, то мы обязательно должны себя

спросить—каково качество этих сапог и точно это качество взвесить, иначе наша статистика производительности сведется к явному самообману. Если на единицу рабсилы мы имеем 2 пары сапог вместо одной, но эти 2 пары изнашиваются в 6 месяцев, в то время, как одна пара сапог носилась год, это значит, что производительность труда не повысилась вдвое, а понизилась вдвое. Значит, коэффициент производительности труда должен проверяться через коэффициент качества, а этот коэффициент в кожевенной промышленности есть в основе своей коэффициент прочности. Для нашего массового демократического потребителя, которому нужны не лаковые ботинки, а нужен прочный сапог, первым критерием, конечно, является критерий прочности. Мы, безусловно, дойдем и до самых высоких, до самых красивых форм обуви через ряд лет, когда мы социализм построим, а сейчас нам нужно дать красноармейцу, крестьянину и рабочему прочный сапог. Значит, в настоящий момент основной критерий качества есть прочность, она определяет производительность труда. Вот почему при установлении норм выработки, обязательно должен быть принят во вниманне вопрос о качестве.

Что касается оплаты труда, то я думаю, что в этом вопросе первое слово принадлежит профсоюзам. Тут должна быть их инициатива, но оплата труда должна быть при сдельщине обязательно связана с качеством, а для этого надо научиться измерять качество. Надо научиться измерять качество объективно, не по произволу мастера, техника или инженера, а на основании объективных данных, т. е. надо иметь точный коэффициент качества. Именно это является задачей лабораторий, и здесь руководство должно принадлежать Центральному Научно-Техническому Институту, который должен вводить одинаковые методы исследования во все лаборатории, одинаковые методы измерения качества. И тогда только мы получим возможность сравнивать качество наших изделий, их себестоимость или их цену с изделиями мировой промышленности, тогда мы точно будем знать, что наш сапог на столько то лучше или на столько то хуже, на столько то дешевле или дороже. Мы получим тогда комбинированный коэффициент по отношению к германскому, американскому или мировому

рынку. Мы будем знать, каков напор рынка на нас, грозит ли нашей кожевенной промышленности какая-нибудь опасность со стороны монопольной мировой торговли, есть ли опасность, что через 2—3 года крестьянин нам скажет: „Открывай ворота, впускай американский сапог“, или же эта опасность в данный момент не предвидится.

Я не сомневаюсь, что общими усилиями мы внесем в нашу промышленность более строгий план в области заготовок, более строгую экономию в распределение сырья, более тщательную обработку сырья при равнении на потребителя. Не должно быть такого подхода: „валите в кучу, там разберут“. Кучи нет, есть только каждая данная пара сапог, каждая кожа в отдельности, и потребитель получает отдельную пару сапог. Надо добиться того, чтобы не проходил безнаказанно ни один случай неряшливости, а тем более недоброкачественности, чтобы потребитель мог по организованным правильным каналам довести свой голос до производственника: „я протестую, вы мне дали плохого качества сапог“. Производственник должен прислушиваться внимательно к такому голосу и искать причины дефектов у себя на заводе. Мы этого достигнем коллективными усилиями производственников, рабочих, профсоюзов, руководящих органов, лабораторий Научно-Технического Института, кооперации. А достигнув этого, мы поднимем нашу кожевенную промышленность, и тогда никакой мировой рынок не будет нам страшен.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ МАШИНЫ И ОРУДИЯ— В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

Вопрос о сельскохозяйственном машиностроении имеет уже сейчас совершенно исключительное значение, и значение это будет из года в год возрастать. При помощи имевшегося в руках крестьянства живого и мертвого инвентаря, крайне оскудевшего за последнее десятилетие, сельское хозяйство поднялось ровно настолько, чтобы начать предъявлять все больший и больший спрос на новый сельскохозяйственный инвентарь. Здесь мы имеем процесс в значительной мере однородный с тем, какой происходил и происходит в промышленности. Восстановительный период заканчивается, что ставит перед промышленностью во весь рост задачу обновления и расширения основного капитала. Заканчивается также и восстановительный период в сельском хозяйстве; вместе с этим вопрос о снабжении деревни необходимыми орудиями и машинами приобретает чрезвычайную остроту. Успешное развитие нашего хозяйства немыслимо без роста экспорта, а рост основных видов нашего экспорта возможен только при условии улучшения сельскохозяйственного оборудования*).

*) Напомним относящуюся к этому вопросу резолюцию Третьего Всесоюзного Съезда Советов:

„В виду того, что основным противоречием, задерживающим дальнейший рост сельского хозяйства, является несоответствие между количеством земли, переданной крестьянству революцией, и наличным количеством и качеством живого и мертвого инвентаря, потребного для ее обработки, принять решительные меры к устранению этого гибельного для сельского хозяйства несоответствия, для чего необходимо... усиленное введение в крестьянское хозяйство сложных машин, в частности тракторов. В тех же целях полного удовлетворения крестьянского спроса на сельскохозяйственные машины и орудия признать необходимым наряду с максимальным расширением сельскохозяйственного машиностроения в Союзе ССР соответствующий ввоз недостающих сельскохозяйственных орудий и машин из-за границы".

Этой резолюции Съезда Советов предшествовали партийные решения на ту же тему.

Если огромную роль для нашего хозяйственного равновесия и развития играет связь нашей легкой промышленности с крестьянством, преимущественно, как потребителем, то еще большую роль призвана играть связь нашей тяжелой промышленности через машиностроение с крестьянством, как производителем. В этом заинтересованные отрасли нашей промышленности должны своевременно отдать себе совершенно ясный отчет. Вопрос о качестве и ценах сельскохозяйственных орудий и машин, как изготовляемых у нас, так и ввозимых из-за границы, должен быть поставлен в центре общего внимания. Совершенно очевидно, что, когда отдельный крестьянин или крестьянский коллектив покупают машину, которая стоит несколько сот, а то и несколько тысяч рублей, они должны иметь все гарантии того, что машина эта вполне соответствует своему назначению, и что она во всякое время может быть поддерживаема на ходу при помощи замены пришедших в негодность частей новыми. Надо совершенно ясно понять, что конная молотилка, пришедшая в негодность из-за плохой шестерни, при невозможности заменить эту шестерню, означает для крестьянина такой же удар, как гибель коровы, или лошади, или как пожар, уносящий все его дворовые постройки.

Вопрос об импорте сельскохозяйственных орудий и машин может решиться только в связи с правильной и точной оценкой качества, как нашей собственной, так и ввозной продукции. Не надо, конечно, думать, что все иностранные сельскохозяйственные машины хороши или пригодны для всех наших районов. А так как в течение ближайших лет мы еще должны будем ввозить из-за границы для нашей деревни очень большое количество орудий и машин, то совершенно очевидна огромная важность правильного отбора иностранных фирм и изделий. Такого рода оценка, как своих, так и ввозных машин должна производиться, как научно-лабораторными методами, так и систематическим опросом самого населения на месте. Надо этот вопрос поставить перед заинтересованными кругами населения во всю ширь. Надо привлечь само крестьянство к активному участию в деле оценки наших и иностранных сельскохозяйственных орудий и машин. Надо крестьянскую оценку тщательно собирать и подъитоживать,

сводя ее на очную ставку с оценкой научно-технических институтов и лабораторий.

Улучшение качества машин и орудий должно итти рука об руку с их удешевлением. А это, в свою очередь, достижимо только при переходе к действительно массовому производству. Нужно во что бы то ни стало, и притом в возможно короткий срок, перейти от чудовищного разнообразия типов сельскохозяйственных орудий и машин, какое досталось нам в наследство от прошлого, к минимальному числу образцов, приспособленных к естественным географическим и экономическим условиям районов и областей. Нужно в производимую ныне работу по стандартизации сельскохозяйственного машинного инвентаря внести гораздо более быстрый темп. Это вполне возможно при дружной работе ведомств и при активнейшем участии машиностроительных трестов и научных сил.

Дать крестьянину хороший и дешевый плуг можно только в том случае, если этот плуг будет стандартизован, т. е. если все его части будут установленной формы, если они будут производиться действительно массовым путем, и если на сельскохозяйственных складах будет всегда достаточное число запасных частей. Стандартизация решает одновременно два вопроса: качества и цены.

Работы по стандартизации ведутся, и при том уже давно, но темп их совсем не тот, какой вызывается исключительной важностью этого дела. Пусть нам не говорят, что выработка стандартов строго-научным путем — дело очень сложное. Это бесспорно. Но, с другой стороны, давно уже сказано, что лучшее есть враг хорошего. Мы не требуем идеальных стандартов. Можно взять наилучшие из существующих мировых образцов и положить их в основу наших стандартов. Даже не „идеальная“ стандартизация будет неизмеримо выгоднее нынешней кустарной пестроты, которая тяжко бьет потребителя по спине и дефектами качества и высокой ценой.

Вопрос о цене в данных условиях имеет не просто рыночное, но важнейшее социальное значение. Дорогая машина, производимая полукустарным путем, неизбежно останется в деревне редкостью. Кто ее приобретет? Либо богатый крестьянин,

фермер капиталистического типа, для которого машина станет орудием дальнейшего обогащения; либо исключительно передовой коллектив бедняков или середняков. Но таких коллективов немного, да и самые машины по числу своему рассчитаны пока на немногих, во всяком случае—на меньшинство. Большое удешевление машины означает возможность внедрения ее в самую толщу середняков и бедняков. Только с этого момента сельскохозяйственная машина начнет выполнять новую свою историческую роль, которую можно назвать подготовкой к постепенному переводу сельского хозяйства на рельсы социализма. Так стоит сейчас вопрос. Установление основных стандартных типов есть предпосылка массового производства. Массовое производство есть необходимое условие удешевления. Дешевая цена на сельскохозяйственные орудия и машины есть предпосылка механизации и общего подъема сельского хозяйства. Только дешевая, а значит—стандартная машина, может стать доступной не только кулацким верхам и наиболее передовым низам, но и всей толще деревни и стать в дальнейшем развитии рычагом новой, артельной, коллективистской организацией сельского хозяйства.

Разумеется, вопрос о сельскохозяйственных орудиях и машинах не есть единственный вопрос деревенской экономики, но сейчас этот вопрос—центральный. Те или другие условия льготного кредита обнаружат всю силу своего действия лишь при высоком качестве и дешевизне советского плуга, сеялки, молотилки, веялки, не говоря уже о косе, заступе, топоре, мотыге, лопате и др.

Особое Совещание по качеству продукции намерено выдвинуть вопрос об улучшении сельскохозяйственного машиностроения на первое место и рука об руку с Наркомземом и сельскохозяйственной кооперацией, мобилизовать лучшие силы для того, чтобы поставить это дело в центре внимания страны.

Именно в этом деле особенно важна помощь всех работников, связанных с крестьянством и вообще сельским хозяйством. Надо, чтобы на местах поставили себе за правило: не упускать без внимания ни одного случая, когда крестьянами села, волости или района приобретены новое сельскохозяйственное орудие, а тем более—сложная машина. Где куплена?

Сколько заплачено? Хорошо ли работает, и если плохо, то в каком отношении? Все эти вопросы должны освещаться самым деловым и конкретным образом. Этими вопросами должны заинтересоваться и селькоры. Крестьянской печати в этом деле должен принадлежать первый голос. Наиболее яркий случай успеха той или другой машины, или, наоборот, неудачи надо освещать в печати. Разумеется, тут нужна величайшая точность и добросовестность. Отдельные отзывы и замечания по вопросу сельскохозяйственных орудий и машин надлежит пересылать через органы сельскохозяйственной и общей кооперации, либо же прямо направлять их в Особое Совещание по качеству продукции. Редакции газет, которые, по тем или другим причинам, не сочтут целесообразным помещение корреспонденции о качестве земледельческих машин, сделают хорошо, если перешлют такого рода неиспользованный материал Особому Совещанию по качеству.

Иногда слышатся голоса в том смысле, что неудобно, дескать, шуметь в печати о недостатках нашего же собственного государственного производства. Такое мнение в корне ложно. Президиум ВСНХ, непосредственно ответственный за руководство нашей промышленностью, создал Особое Совещание по качеству продукции именно для того, чтобы разоблачать недостатки и искоренять их, а не замалчивать и укрывать. Без гласности, без общественного контроля, без критики заинтересованного потребителя нельзя в этом деле достигнуть никакого успеха. Всякий хозяйственник с кругозором прекрасно понимает это. Если будут в печати преувеличения или искажения, то их можно опровергнуть, а дальнейший опыт даст окончательную проверку. Исправить неверную газетную статью куда легче, чем исправить плохой плуг или негодную сеялку. Заинтересованные заводы и тресты должны проявлять величайшее внимание к голосам печати и вообще отзывам потребителя. Нужно проверить все такие отзывы, посылать на места своих инженеров, конструкторов, монтеров для всестороннего делового, а не казенного выяснения действительных причин каждой серьезной жалобы. Надо планомерно проверять работу продаваемых машин и независимо от всяких жалоб. Доверие потребителя надо

завоевать во что бы то ни стало. Завоевывается оно не словами, а делами.

Незачем пояснять, какая ответственная и благодарная роль выпадает в этой работе на долю профессиональных союзов. Здесь дело идет в полном смысле слова об овладении центральной позицией на широком „фронте“ хозяйственной смычки города и деревни.

Если с разных концов, но согласованно и с одинаковой энергией, приступим к этому делу, то мы уже к ближайшей весне достигнем устранения, по крайней мере, наиболее вопиющих недостатков, проистекающих от небрежности, неряшливости и невнимания к потребителю. Борьба же с другими, более глубокими причинами недочетов наших сельскохозяйственных машин будет, разумеется, стоять в центре внимания, как Совещания по качеству, так и других хозяйственных органов и учреждений, прямо и непосредственно руководящих производством земледельческого оборудования. В течение года—полутора надо достигнуть значительного снижения цен путем перехода к стандартизованному производству, по крайней мере, наиболее ходовых орудий. Это осуществимо, а значит и должно быть осуществлено.

Вопрос этот так крепко ставится теперь жизнью, что никто не может уклоняться от участия в его разрешении.

ЗА КАЧЕСТВО—ЗА КУЛЬТУРУ!

Восемь лет диктатуры, т. е. исключительного режима, и в то же время хозяйственный подъем! Как это возможно? Это возможно потому, что диктатура попрала и уничтожила лишь то, что созрело для гибели, и нашла в общем и целом способ сотрудничества с теми силами и формами, которых не могла еще заменить. В этом непобедимая жизненность пролетарской диктатуры: она беспощадна не по произволу, не по слепой страсти, а на основании научной оценки исторического процесса в целом, и не забегает вперед там, где не готовы еще условия.

Классический образец допролетарской революционной диктатуры дала Великая Французская Революция — в виде террористического режима якобинцев. Бабеф и Бланки стремились затем в идею революционной диктатуры влить социалистическое содержание. Маркс принял это большое наследство. Но он навсегда сочетал социализм с классовой борьбой внутри буржуазного общества и традицию революционной диктатуры превратил в программу диктатуры пролетариата.

Маркс впервые научил по-настоящему подходить к обществу, как к органическому продукту хозяйственного развития. Историческое общество, каким мы его знаем, есть основанная на эксплоатации организация производства. Восхождение буржуазии обусловливалось тем, что она организовала более высокие производственные отношения. Маркс учил, что ни один общественный строй не сходит со сцены, не исчерпав заложенные в нем возможности. Из этого вытекает, что замена одного господствующего класса другим по самому существу своему связана с новой организацией общества. Всякая подлинная социальная революция — идет ли речь о революции буржуазии или пролетариата—мыслима только при

том условии, если восходящий класс объединяет вокруг себя нацию против того класса, который увенчивал изжившую себя систему хозяйства. Пролетарская революция в каждой отдельной стране есть в то же время и национальная революция, ибо пролетариат не может ни завоевать власть, ни удержать ее, ни, тем более, применить ее для перестройки общества, если сам он не становится стержнем, вокруг которого кристаллизуются все жизнеспособные элементы нации, т. е. ее подавляющее большинство. Таковы первые буквы в азбуке марксизма.

Завоевав власть, пролетариат вступает во владение историческим наследством нации, и ему вовсе не предоставлена возможность отказаться в любой момент от любой части этого наследства. Правда, росчерком пера советская власть отказалась от уплаты долгов по старой собственности и по старым займам. Но эти долги представляли собой, в конце концов, лишь незначительную часть исторического пассива страны. Гораздо большее место в этом пассиве занимали: нищета, невежество, суеверия, алкоголизм, проституция и, прежде всего, противоречия города и деревни. Всего этого нельзя скинуть со счетов посредством декрета. Годы, последовавшие непосредственно за завоеванием власти, показали нам на суровой практике то, о чем мы теоретически знали и ранее: пролетариат не начинает по произволу новый счет со свежей страницы. Нет, он перенимает общественную механику на ходу, со всеми ее историческими напластованиями и противоречиями. Авангард пролетариата, непосредственно осуществляющий диктатуру, не может приказать массам населения, опутанным сетями прошлого: откажитесь от старых хозяйственных приемов и связей, пока я не переделаю все заново! Задача ставится иначе: строительство нового общества необходимо сочетать с поддержанием тех функций старого общества, приостановка которых неминуемо оставила бы огромные массы народа без огня, без воды, без хлеба. Отсюда проблема смычки. Это не какой-либо хитро надуманный тактический прием, а коренной вопрос революции. Он вытекает из того, что самый факт диктатуры возлагает на пролетариат ответственность—не формальную, т. е. юридическую или „нравственную“, а практическую, материальную, непосредственную — за

живое человеческое общество, с его, нетерпящими отлагательства, жизненными потребностями. Задача переходного периода в том, чтобы привычные и пока еще незаменимые рыночные способы удовлетворения нужд и потребностей увязать с построением нового общества. Таким образом, проблема смычки—в ее наиболее обобщенном виде—не есть ни национальная особенность, ни, тем более, нарушение принципов марксизма. Это коренной и неотвратимый вывод из диктатуры пролетариата, как переходной государственной формы перестраивающегося человеческого общества, которое заключает в себе могущественные и при том разнородные пласты прошлого. В противовес бланкистскому, т. е. идеалистическому и механическому пониманию диктатуры, которое просто противопоставляло социализм старому обществу в целом и потому оставалось утопическим, марксово понимание диктатуры неизбежно предполагает ленинскую формулу „смычки".

Однако, слово „смычка" имеет все же не только национальный звук, но и национальное содержание. Центральную задачу переходного периода Ленин формулировал в применении к такому исторически запоздалому обществу, где противоречия города и деревни особенно чудовищны, где пролетариат составляет небольшое меньшинство нации, а главную толщу ее образует раздробленный, едва захваченный культурой мелкий товаропроизводитель — крестьянин или кустарь. Ленинская формула, как и вся ленинская политика, глубоко национальна. Но это значит лишь, что они дают законченное применение интернациональных методов к конкретным условиям народа и эпохи. Без этого политики нет. Но если смычка есть национальная конкретизация основного в марксовом понимании диктатуры, то она же является развитием этого понятия в интернациональном масштабе. Ибо только из освещенного ленинской формулой опыта Советской Республики международный пролетариат может понять и усвоить, как следует быть, те новые задачи, которые лягут на него с первого часа взятия власти.

И в тех странах, где пролетариат составляет несомненное большинство, — а это вовсе не необходимое условие его диктатуры, как мы теперь твердо знаем, ему придется с первых

же шагов после захвата власти натягивать необходимые связи между обобществленными и необобществленными частями народного хозяйства. Проблема хозяйственной смычки с ремесленником, крестьянином, мелким торговцем будет иметь разный удельный вес и крайне разнообразные формы, в зависимости от социальной структуры каждой нации. Но большее или меньшее значение она сохранит повсюду. В такой стране, как Англия, где рабочие составляют подавляющее большинство нации, проблема смычки примет сразу же интернациональный характер: английскому пролетариату придется договариваться с крестьянами Индии, Египта и пр., чтобы перевести на рельсы добровольного соглашения те необходимые для обеих сторон экономические связи, которые ныне имеют принудительно-колониальный характер.

Как оппозиционный класс старого общества, пролетариат выдерживает великий экзамен тем, что ниспровергает старых владык и хозяев. Но только после этого для него начинается новый экзамен, уже как для правящего класса.

Свои права на власть рабочий должен обнаружить и вместе обосновать созданием новой государственной организации и обороной возглавляемого им общества от внутренних и внешних классовых врагов. Построение государственного аппарата и революционной армии является первым величайшим испытанием пролетариата, как правящего класса. Новое государство и новая армия отражают перестроившуюся нацию. Советская конституция обеспечивает за пролетариатом руководящую роль в рабоче-крестьянском государстве. Коммунистический пролетариат образует стержень в Красной армии, которая пополняется, главным образом, из крестьянской толщи. В аппарате государства, как и в организации обороны, мы имеем смычку двух классов—руководящего и руководимого. Пролетариат доказывает делом, что он способен управлять и способен защищать. Этим самым он обеспечивает простейшие предпосылки для разрешения социалистических задач.

Дальше идут вопросы хозяйства и в связи с ними и на их основе вопросы культуры.

Возрождение промышленности упиралось с первых шагов в продовольствие и сырье, т. е. в сельское хозяйство. Проблема

смычки предстала тут в своей экономической сущности. Именно с этого времени входит в наш оборот крылатое ленинское слово. На первых порах смычка имеет примитивнейшее содержание: что-нибудь, как-нибудь обменять на что-нибудь, чтобы спастить от голодной смерти, чтобы не дать потухнуть последним заводам. Но отсюда вырастает более упорядоченный обмен промышленных продуктов потребления на сельскохозяйственные. Развитие этих связей составляло важнейшее содержание последних лет. Ныне проблема смычки все больше передвигается в область обмена сельскохозяйственных орудий и машин на производимое сельским хозяйством промышленное сырье. Это тот путь, на котором тяжелая промышленность непосредственно входит в цепь смычки через звено сельскохозяйственного машиностроения. Только в меру разрешения этой задачи будет создаваться широкая база для производственного кооперирования деревни, т. е. для социалистического земледелия. Эта работа еще впереди.

Если взятием Перекопа и очищением советской территории пролетариат окончательно доказал, что дело обороны в твердых руках, то приближением к довоенному уровню промышленности он неопровержимо доказывает свою способность руководить хозяйством. Исключительное значение контрольных цифр Госплана не в том просто, что они намечают основные элементы нашего быстро растущего народно-хозяйственного баланса,—это вопрос бухгалтерии,—а в том, прежде всего, что внутри этого баланса они с несомненностью устанавливают растущий перевес социалистических элементов над капиталистическими в области промышленности, торговли и финансов. Именно этим и только этим оправдываются—под социалистическим углом зрения—известное расширение рамок капиталистических и полу-капиталистических отношений в деревне. Что в этих последних заложены новые опасности, незачем напоминать после свежей резолюции пленума ЦК. Но эти опасности могут быть преодолены—при наличии всех необходимых политических, административно-хозяйственных, фискальных и иных мероприятий—только при условии дальнейшего могущественного развития государственной промышленности

и ее растущей способности не только одеть и обуть крестьянина, но и перестроить его хозяйство.

Эта великая работа еще вся впереди. Государство, армию, хозяйство мы до сих пор строили, в сущности, начерно. Впереди предстоит работа набело.

* * *

Будет вполне уместным, если мы к восьмой годовщине Октябрьской Революции еще раз крепко напомним себе, что историческая ценность и вместе устойчивость каждого общественного строя определяется, в последнем счете, той производительностью труда, какую он обеспечивает. Это самый высокий критерий, и при том объективный. Мы, разумеется, начисто отвергаем телеологию, т.-е. идеалистическое представление, будто человечество движется к заранее намеченной цели. Но факт таков, что человеческое общество—отчасти стихийно, отчасти сознательно—идет по пути повышения производительности труда: эта „цель“ поставлена не извне, а вырастает из материальных условий существования общества. Именно в этом главное отличие, выделяющее человека из животного мира. В этом же основной и, в последнем счете, безошибочный критерий всего исторического развития.

„Прогресс“, как постоянное будто бы восхождение человечества, есть идеалистическая химера, по крайней мере, по отношению к прошлым тысячелетиям. Развитие шло зигзагообразно. Снижения и долгие провалы следовали за подъемами. Капитализм придал прогрессу большую устойчивость именно потому, что в центре внимания поставил развитие производительных сил. Но и капиталистическое общество знает не только быстротечные смены промышленных подъемов и кризисов, но и длительные эпохи упадка. Об этом опять серьезно напоминает мировая война. Капитализм подготовил технические предпосылки планомерного и всестороннего прогресса, но сам он не способен его осуществить. Прежде всего он оказался неспособен поднять сельское хозяйство хотя бы на тот уровень, на который поднял промышленность. Капитализм сбрасывал главную тяжесть земледелия и скотоводства на более отсталые народы, предпочитая эксплоатировать их преимуществами своего индустриального первородства. Преодолеть

мировое противоречие между городом и деревней то же, что преодолеть противоречие между Западом и Востоком, между эксплоататорскими нациями и угнетенными колониями. На это способен только социализм. Не случайно первая пролетарская революция разразилась в России, на великом стыке капиталистического Запада и колониального Востока.

Связь наша с Востоком есть один из важнейших залогов нашей победы. Но технически и культурно равняться нам, как и всему Востоку, необходимо по Западу. Наши хозяйственные успехи настолько велики, что ввели нас—при яростном сопротивлении врагов—в систему мирового хозяйства. Но именно растущая связь с капиталистической системой обнаруживает перед нами самими нашу чрезвычайную техническую и культурную отсталость. Социализм есть более высокий общественный строй, чем капиталистический, на смену которому он идет,—не потому только, что устраняет эксплоатацию и подготовляет социальное равенство. Этот критерий, изолированно взятый, не решает. Равенства в нищете и невежестве мы не хотим, да оно и неосуществимо. Различия вырастают из нужды. На жизненном опыте наших крестьян, хотя бы только за последние годы, мы видим, что рабство у природы не менее тяжко, чем классовое рабство. Мы устремляемся к социализму потому, чти он подготовляет равенство на основе технического могущества, материального довольства, общей высокой культурности.

С законным удовлетворением оглядываясь на достижения восьми лет, мы обязаны, однако, дать точную оценку этих достижений в масштабах мирового хозяйства. Мы еще не достигли довоенного уровня по количеству производимых товаров: еще менее—по качеству. У нас есть все основания рассчитывать на то, что в течение ближайшего года мы вплотную подойдем к довоенному уровню по количеству и отчасти по качеству. Но ведь довоенный уровень потому и именуется „довоенным“, что нашел свою проверку в войне. Результаты мы знаем слишком хорошо. В то время, как Германия, окруженная неисчислимыми врагами, продержалась в течение четырех лет благодаря мощи своей индустрии, российская промышленность с каждым днем войны обнаруживала все

более свою несостоятельность, несмотря на поддержку могущественных союзников. Война дала убийственную оценку экономической отсталости старой России. Не забудем же, что в новых общественных формах мы пока еще лишь восстанавливаем старый хозяйственный уровень.

Правда, соотношение сил чрезвычайно изменилось к нашей выгоде. Нынешняя Европа несравненно слабее, чем была до войны. С другой стороны, советская организация дает возможность неизмеримо более целесообразного использования наличных материальных ресурсов. А сверх того у нас, как у международной партии, имеются огромные политические ресурсы. Только благодаря этому Россия не стала за истекшее восьмилетие колонией, к чему она фатально шла в течение 1914-1917 гг. Но факты остаются фактами. Технически мы—самая отсталая страна Европы. Производительность труда у нас ниже, чем в любой из передовых капиталистических стран. Наши товары дороже. Их качества хуже. Все это может и должно быть измерено точными сравнительными коэффициентами, которые станут самыми надежными „индексами“ (указателями) нашей дальнейшей работы, не только хозяйственной, но и культурной.

* * *

Наше строительство, особенно хозяйственное, опиралось до сих пор, главным образом, на старые технические навыки. Мы пользовались во всех областях тем уровнем культуры, который достигнут был старым режимом. В политике, в общественном строе мы сделали скачок огромного исторического значения. В других областях продвижка несомненно меньше. В хозяйстве в смысле производства материальных ценностей мы не достигли и старого. Развитие общества—это тоже одно из его противоречий—не идет равномерно по всем колеям. Но теперь мы достигаем того этапа, когда надо выравнивать производственный и культурный фронт с общественно-политическим. Те производственные и культурные знания, приемы и навыки, какие достались нам в наследство от прошлого, мы исчерпали. Дальше накатанных капитализмом не только дорог, но и тропинок почти нет. Чтобы продвигаться, нужно пролагать новые пути, закладывать новые технические основы, вырабатывать

новые навыки, искоренять безграмотность, повышать квалификацию, учиться и учиться у врагов поднимать культуру. Нам нужно одновременное повышение культурного „качества“ во всех областях. Дело идет о переводе руководимой пролетариатом нации—точнее семьи наций—в более высокий исторический класс. Это осуществимо лишь путем напряженной подготовки по всем предметам человеческой культуры.

Закон Гегеля о переходе количества в качество правилен и с другого конца: качество превращается в количество. Охватывая нашу хозяйственную жизнь в целом, мы можем проверить силу этого закона всем нашим опытом. Последний год гражданской войны и первый год нэпа был тем временем, когда все запасы вышли, и страна перебивалась поскребышами. Никто не смел справляться о качестве. Побольше продуктов, хоть каких-нибудь! Но по мере того, как в каналах обращения появлялось дополнительное количество продуктов, само производство автоматически становилось лучше. Лишняя кипа плохого хлопка улучшала работу на полу-бездыханной текстильной фабрике. Лишний пуд прелой муки или дюжина плохих карандашей улучшали постановку преподавания в совсем было замиравшей школе. И так по всей линии. Качество работы само собою повышалось вследствие возрастания количества. Но только до известного уровня.

После того, как нестерпимый голод во всех областях хозяйственной и культурной жизни был хоть несколько ослаблен, создалась возможность более критической самооценки. Устами передовых своих элементов страна сказала, что мы работаем неумело, неряшливо, плохо, дорого. Вопросы научной организации труда начинают интересовать все более широкие круги. Создаются производственные совещания. Вопрос о качестве продукции, материальной и духовной, в том числе и канцелярской, все более выдвигается на передний план. Задача увеличения количества материальных благ ни на минуту не отступает на задний план. Наоборот, никогда еще она не ощущалась с такой остротой, как сейчас. У нас всего мало. Всего не хватает. Но сама борьба за количество на каждом шагу упирается в вопросы качества. Для повышения производительсти труда необходимы лучшая техника, более научная организация

производства, лучшее сырье, более высокая выучка. Чем полнее мы пускаем в оборот последние унаследованные ресурсы, тем больше обнаруживается, что путь к количеству лежит через качество.

Программа электрификации строилась на старых резервах, прежде всего старых инженерах. Но этот ресурс на исходе. Осуществление электрификации прямо упирается в вопрос о том, как наши школы готовят новых инженеров, техников и рабочих. Мало того. Развитие электросиловой сети прямиком приводит к вопросу о таком сельском учителе, который умеет разъяснить детям и родителям значение электропроводов и тем обеспечить их охрану. Сельская школа в свою очередь ставит вопрос о дешевом и прочном учебнике, о бумаге, о карандаше, поднимая снова, все еще далекие от разрешения, вопросы издательства и полиграфической промышленности. Смычка города с деревней по-новому ставит вопрос о путях сообщения, о шоссе, проселках и мостах.

Повышение качества сельскохозяйственных машин—их прочности, легкости, заменимости частей—повысит доверие крестьян к внутреннему машиностроению и расширит спрос. Повышение качества зерна, льняного волокна и проч.—естественно увеличит объем экспорта. Повышение техники газет—более прочная бумага, более четкий шрифт—увеличит число читателей на каждый экземпляр газеты. Улучшение литературно-политического содержания прессы—больше живости, разносторонности, внутренней связи с аудиторией—родит новый набор читателей. Простое повышение качества пищи в общественных столовых ускорит перестройку нынешнего замкнутого семейно-хозяйственного быта. Коренная борьба с некоторыми отрицательными чертами молодежи, прежде всего с распущенностью всех видов, идет через повышение качества личности. А средства к этому — наука, техника, литература, настоящая, не маргариновая,—спорт и пр. Так во всех областях и в разных видах проблема „качества“ становится ключем новой культуры.

* * *

Основные задачи социалистической организации общества встают перед нами на новом этапе по-новому и, главное, с

с возросшей конкретностью. Вопрос всех вопросов таков: как избегнуть бюрократизма, мертвящего безразличия, удушающей казенщины. Государственное хозяйство захватывает огромный круг предметов, людей и процессов. Этим оно чрезвычайно удаляет основное руководство от непосредственного исполнения. Социализм хочет победить производственно-торговую конкуренцию, параллелизм, лишние трения, встречные товарные потоки, словом,—анархию в хозяйстве, как и во всем жизненно-культурном обиходе, посредством руководства, основанного на плановом учете и предвидении. Но социалистические методы лечения таят в себе свои собственные болезни, которые с полным основанием можно назвать болезнями детства, нисколько не умаляя при этом их злокачественности. Вся трудность состоит в том, чтобы достигнуть сочетания личной активной заинтересованности с общественно-плановым характером хозяйства. На этом пути мы сделали серьезные успехи, прежде всего уже тем одним, что поставили заработную плату в известную, далеко еще несовершенную зависимость от производительности труда. Но мы еще очень далеки от разрешения задачи в целом.

Гнилость бюрократизма в том, что он проходит мимо дела, скользит по касательной к существу. А между тем, никакое время не повелевало так, как наше, в каждом отдельном случае, большом и малом, добираться до материи, до живого, до ядра. Циркуляр, едущий на циркуляре и циркуляром погоняющий, не решает вопроса, хотя без циркуляров и не обойтись. Нужно, чтобы зубчатые колеса заинтересованности, и ответственности, личной и коллективной, плотно цеплялись друг за друга. Такой законченной системы сразу создать нельзя,— ее нужно выработать и ее должно вырабатывать изо-дня в день. Строительство социалистического хозяйства есть в то же время постоянное общественное творчество. В состав творчества столь широкого масштаба, как наше, входит необходимой частью экспериментирование, т. е. производство опытов, испытание на деле разных систем контроля, побуждения, материального и морального премирования, кары, взаимной страховки и пр. Не давать рутине оседать и уплотняться. Пробивать в ней повседневно просветы к более совершенным

методам и творческим возможностям. Во всей этой работе опираться на пробужденное стремление масс к лучшей жизни, к материальной обеспеченности, к более высокому духовному уровню, ко всему тому, что укрепляет тело, обогащает сознание, поднимает и окрыляет мысль,—к культуре.

В отношении крестьянина, как мелкого товаропроизводителя, задача состоит в том, чтобы, опираясь на его собственную заинтересованность в количестве своей продукции и в ее качестве, вводить его постепенно, через ряд посредствующих ступеней, в систему обобществленного хозяйства.

Основной рычаг к этому — социалистическая промышленность. Ее дальнейшие успехи позволят поставить перед нею задачу: взять сельское хозяйство на буксир. Это — новый этап смычки. В первые годы промышленность почти ничего не давала крестьянину, требуя и получая от него взаймы. Мужицкие авансы шли на растопку фабричного котла. Когда, наконец, колеса завертелись, промышленность на первых порах снабжала кое-как крестьянина, как потребителя, почти не вторгаясь в крестьянское хозяйство. Последнее отстаивало и жило силой — или бессилием — прошлого. Смычка имела преимущественно потребительский характер: хлеб рабочему, ситец крестьянину. Но этого ныне уже недостаточно для обеих сторон. Город требует от деревни во все возрастающих массах промышленного сырья. Деревня требует от города орудий, машин, электрической энергии. Промышленность, хоть и медленно, но продвигается к величайшей своей задаче: взять на буксир сельское хозяйство, чтобы вытащить его из тех ужасающих условий, которые Маркс и Энгельс назвали некогда идиотизмом деревенской жизни. Буксир соединяется с баржей канатом. Канат должен быть крепок, чтобы не оборвался. Машинизация сельского хозяйства, внедрение смычки в самый процесс производства означает туго натянутый стальной тросс между тяжелой промышленностью и сельским хозяйством.

Каждый трактор есть малый буксир промышленности, которому поручено вытаскивать крестьянское хозяйство из болота чересполосицы и бессмысленной трудовой расточительности. Около 20.000 тракторов должна, по намечающемуся плану,

получить деревня в нынешнем хозяйственном году. Это немного, но это уже кое-что. Это значит, отметим тут-же, — 20.000 трактористов и тысячи ремонтных пунктов с квалифицированными рабочими. Трактор — не только технический, но и культурный буксир. Коммунист на тракторе — лучший руководитель деревни завтрашнего дня. Индустриализация сельского хозяйства создает наиболее естественную базу для внедрения пролетарского руководства в жизнь деревни. „Шефство", осуществляемое через пролетарский корпус трактористов, монтеров, механиков, которых город даст деревне по тщательному отбору, куда будет выше тех нередко искусственных и не всегда удачных форм шефства, к каким город вынужден прибегать ныне.

Но не забудем, что из 20.000 тракторов львиная доля должна быть ввезена из-за границы. Советская промышленность даст в ближайшем году менее 2.000 штук. В этом нет ничего страшного. Наша промышленность должна дать деревне в первую голову более простые машины. Придет черед и для массового производства тракторов. Но все же приведенные числа — около 2.000 своих тракторов и около 18.000 ввозных — измеряют грандиозность стоящих перед нами и еще не разрешенных задач. Буксир ведь должен быть не капиталистический, а наш, советский, с маркой серпа и молота.

Поднять эту гигантскую задачу можно, только качественно подняв нашу технику, производственную организацию, административную и культурную работу. Дело идет о новом этапе, который требует более высокой квалификации от всех и во всем. Этого нельзя достигнуть иначе, как сочетав личную заинтересованность и ответственность с организованным общественным контролем. Выделка хороших сапог, плугов и карандашей, как и воспитание пригодных инженеров, техников, квалифицированных рабочих, учителей, командиров, чиновников будут обеспечены лишь в том случае, если будут совершаться под давлением активного общественного контроля твердого спроса, умелого отбора. Борьба с казенщиной и бюрократической фальшью должна быть заложена во внутреннюю механику отношений. Нужно, чтобы по-настоящему организованный кооперацией потребитель контролировал производственника. Промышленность должна контролировать подготовку

техников в специальных учебных заведениях. Крестьянин должен учинять последний и решающий экзамен агроному, воспитанному Тимирязевской академией. Каждая отрасль промышленности выступает, как приемщик и потребитель по отношению к другим отраслям. Эту цепь взаимозависимостей надо изучать и извлекать из нее в ней же самой заложенные элементы взаимного контроля. Организовать этот контроль, вооружая его наиболее действительными методами; умерщвляя конкуренцию, укреплять соревнование; побуждая изобретательство, премируя и стимулируя его, вести беспощадную борьбу с секретничеством; воспитывать социалистическую трудовую мораль не голой проповедью и не административными предписаниями, а продуманным сочетанием интересов и, где нужно, их противопоставлением друг другу в узловых пунктах производства и общественного строительства, — таковы наметившиеся методы и пути. Работать на потребителя, а потребители — это все. Профессиональные союзы являются организациями не только производителей, но и потребителей. В основной своей борьбе за лучшие условия жизни для объединяемых им рабочих, союз металлистов должен требовать более дешевых тканей, лучшей кожи сапог, лучшей школы, более компетентной медицинской помощи. Только в сочетании и противопоставлении различных организаций и общественных группировок лежит путь действительного, жизненного, не бюрократического контроля.

* * *

Каждый человек может сделать одно и то же дело и лучше, и хуже. Это зависит от многих причин. Одна из них, сейчас еще наиболее действительная, это — личная заинтересованность. Другая, более высокая — внутреннее чувство ответственности. Об этом последнем военные уставы говорят: действовать за глазами начальника так же, как и на его глазах. Внутренняя дисциплина не падает с неба. Она есть кристалл, общественное мнение в отдельном сознании. Лучше делает человек тогда, когда знает, что с него спросят лучшей работы и когда сам склонен спрашивать того же с других. Дело — в общественном мнении, в его практической требовательности, в его бдительном контроле, в его культурной активности.

Частный предприниматель действует личной заинтересованностью и „хозяйским глазом“. Личную заинтересованность мы можем и должны организовать гораздо совершеннее, чем частный предприниматель, ибо у нас для этого неизмеримо больше источников и возможностей в смысле повышения лучшего — способного, деятельного, добросовестного. С так называемым хозяйским глазом дело на первых порах труднее. Его-то и должен заменить общественный контроль. Активность, своевременность и гибкость контроля зависят от культурности контролирующих и контролируемых.

Но ведь для поднятия культуры потребуется ряд поколений? Конечно, до социалистической культуры нам далеко. Мы проходим только через приготовительный и потому именно самый тяжелый класс. Дело идет об усвоении простейших сведений, знаний, приемов и навыков. Когда они станут общим достоянием, развитие к социализму пойдет, как по рельсам. Как и в хозяйстве, здесь труднее всего период первоначального культурного накопления. Но не нужно думать, что плодов придется дожидаться десятилетиями. Усилия, как и успехи, пойдут концентрическими кругами: от тысяч — к миллионам, от миллионов — к десяткам миллионов.

На наших глазах потребность в лучшем становится тем более острой и всеобщей, чем яснее обнаруживается возможность его достижения. На этом можно строить. Инициатива и пример передового меньшинства могут, как и в других областях, совершать чудеса, если методы меньшинства идут в ногу с опытом массы. Борьба за культуру означает повседневный, упорный, настойчивый, непримиримый отпор бескультурности во всех ее проявлениях; нечистоплотности, неграмотности, неряшливости, неаккуратности, невнимания к делу или к чужой личности. Не просто агитировать за культуру,— голой агитацией не возьмешь, — а в своей собственной хозяйственной и культурно-бытовой сфере вести борьбу за „качество“. Ничего не упускать. Ни на что не закрывать глаз. Не попустительствовать. Предъявлять наивысшие в данных условиях требования к себе и другим. Каждое куриное яичко— на сквозной свет. Каждую сорную травинку — из грядки вон.

Чувство личной ответственности и профессиональной чести будет расти параллельно с формированием социалистического общественного мнения, которое есть не пассивная надстройка над хозяйственным базисом, а важнейшее его орудие.

Нам нужна будет в гораздо большей степени, чем до сих пор, культурно-техническая помощь наших европейских и американских друзей. Иностранные делегации, приезжающие, чтобы посмотреть, как мы живем, и противопоставляющие затем у себя на родине правду лжи, совершают огромное политическое дело, укрепляя одновременно международное положение нашего Союза и позиции рабочего класса у себя. Но, наряду с этими политическими делегациями, нам нужны будут в возрастающем числе „делегации" технического, производственного характера. Пусть приезжают к нам, одиночками или группами, высококвалифицированные рабочие, техники, инженеры, пусть приглядываются к тому, как мы работаем, и пусть помогают нам работать лучше. Такого рода иностранные „интервенции" прекрасно дополняют учебные поездки за-границу наших собственных инженеров, техников и рабочих. К стволу и ветвям нашего хозяйства надо прививать одновременно в разных местах черенки передовой технической и производственной культуры. Ствол достаточно прочен уже, чтобы выдержать такую прививку.

Во всех без изъятия областях перед нами годы напряженных улучшений и суровой выучки. С законным возмущением говорим мы о чересполосице крестьянского хозяйства. Но и в промышленности мы страдаем, в сущности, жесточайшей чересполосицей, унаследованной от капиталистического хозяйства. Мы беспощадно осуждаем архаическое трехполье, которое истощает землю и держит крестьянина в нищете. Но и во многих отраслях нашей промышленности царят методы, которые сродни трехполью. Неоднородность материала или несогласованность частей в наших промышленных изделиях происходит по той же причине, по которой кончающий среднюю школу плохо знает русский язык; по той самой причине, по которой в наших канцеляриях царит подчас волокита, а на лестницах и в коридорах общественных учреждений наткнешься нередко на окурки и плевки. Это все явление

разного масштаба, но одного порядка. Мы малокультурны. Нам еще только предстоит провести подавляющее большинство населения через школу простейших навыков, которая давно вошла в обиход передовых капиталистических стран. Тут, как и в других областях, не нужно—по выражению Ленина—„ни тени фальшивой идеализации". Нам нужно перестроить хозяйство снизу до верху. Нам надо переучиваться, доучиваться, выучиваться. Надо повышать качество оборудования, руководства, исполнения. Надо учиться у капиталистической Европы и Америки. Ни тени фальшивой идеализации! Но и ни тени уныния!

Исторически наши задачи не измеряются календарными годами или юбилейными датами. Девятый советский год будет продолжать работу восьмого. Но в то же время есть основания сказать, что восьмая годовщина совпадает с намечающимся глубоким переломом во всей нашей хозяйственной и культурной деятельности. Восемь лет мы работали наспех и начерно. Конечно, это не сразу переменится: еще слишком многие области дожидаются у нас первого, хотя бы „чернового" удара заступа. Но в то же время в головных отраслях хозяйства и культуры пора уже переходить к работе набело.

Одним энтузиазмом этого достигнуть нельзя. Энтузиазм масс драгоценная сила, которая показала себя в прошлом, и на которую будет еще великий спрос в будущем. Но то, что нам ныне нужно больше всего, это—выдержка, система, сознательно регулированное упорство. Эти качества не отрицают энтузиазма, наоборот, в сочетании с ним обещают исторические результаты небывалого масштаба.

Два года остается до первого советского десятилетия. Они должны стать годами дальнейшего крутого подъема. Экономический, если не военный, нажим наших врагов будет возрастать. Ответом на него—наряду с ростом революционного движения на Западе—может явиться только высокий темп нашего хозяйственного и культурного подъема. Вопрос темпа есть вопрос нашей обороны, нашего самоутверждения, нашей победы.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Качество продукции и социалистическое хозяйство	5
Борьба за качество	26
Качество товаров	45
Проблема качественных измерителей	48
О секретах в производстве	52
Об улучшении качества изделий кожевенной промышленности	54
Сельскохозяйственные машины и орудия—в центре внимания	61
За качество—за культуру!	67

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

1 р. 25 к. 7024

~~Цена 60 к.~~

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“
ГОСПЛАН СССР МОСКВА
Заказы направлять в ТОРГОВЫЙ ОТДЕЛ
ИЗДАТЕЛЬСТВА:
МОСКВА, Воздвиженка, 5. Тел. 5-98-13.

9